

Архимандрит
Андрей
(Конанос)

БОГ
НЕ ОСТАВИТ
ТЕБЯ

архимандрит Андрей Конанос

Бог не оставит тебя

«Издательство Сретенского Монастыря»

2018

УДК 271.22(495)-1
ББК 86.372-4

Конанос а.

Бог не оставит тебя / а. Конанос — «Издательство Сретенского
Монастыря», 2018

ISBN 978-5-7533-1411-6

Андрей (Конанос) родился в 1970 г. в Мюнхене, с 1977 г. живет в Афинах. Окончил богословский факультет Афинского университета. В 1999 г. рукоположен в диакона, в 2000-м — в иерея, позже был возведен в сан архимандрита. С 2006 г. ведет передачу «Невидимые переходы» на радио Пирейской митрополии. Беседы замечательного богослова, миссионера, проповедника полюбили слушателям и читателям разных стран — Греции, Кипра, Болгарии, США. Теперь с ними могут ознакомиться и наши соотечественники. В эту книгу вошли еще ни разу не издававшиеся беседы архимандрита Андрея о таинстве Евхаристии, о молитве, о том, как сохранить семью, как обрести радость в скорби, о воспитании детей, о том, как искать Бога везде и во всем. Для широкого круга читателей.

УДК 271.22(495)-1

ББК 86.372-4

ISBN 978-5-7533-1411-6

© Конанос а., 2018
© Издательство Сретенского
Монастыря, 2018

Содержание

Святая Божественная литургия	5
Уголек, к которому бесполезно прикасаться	11
В наших венах течет Христова кровь	15
Говорим одно, думаем другое	19
Отче, я хочу создать семью!	22
Если бы мы были Божиими	29
Игры ума	32
Небесный якорь	37
Узлы небесного гобелена	42
У меня с ним не может быть ничего общего	44
Конец ознакомительного фрагмента.	46

Архимандрит Андрей (Конанос) Бог не оставит тебя

Святая Божественная литургия

Тема Святой литургии очень важна. Та молитва на Святой литургии, в которой говорится, что никто из связанных плотскими желаниями и наслаждениями недостойн приступить и служить Святой литургии¹, относится и к тем, кто собирается говорить о Святой литургии. Но кто же тогда достоин говорить о Святой литургии – этом таинстве, в которое даже Ангелы желают вникнуть и взирают на него со страхом и ужасом? Мы точно недостойны говорить об этом, тем паче что и переживаем это не так, как следовало бы. Пусть мы и клирики, как в данном случае я.

Помню признание одного служителя алтаря, когда я еще был малым ребенком. Он доверительно сказал мне тогда:

– Деточка моя, когда я однажды поехал на Святую Гору Афон и исповедался у одного иеромонаха, то он спросил меня: «Отче, а сколько лет ты служишь?» «Тридцать», – ответил я. «А сколько раз на литургиях, которые ты служил, ты ощущал таинство, душа твоя входила в святилище Божие, ты что-нибудь понимал в мире сверхъестественного, ощущал что-нибудь удивительное и таинственное?» Я ответил: «Отче, очень редко. Служил сотни раз, но таинства каждый раз не ощущал, это нелегко».

Да, это нелегко. Это зависит и от нас, нашей подготовленности, но и от Бога тоже, чтобы Он приблизился к нам и счел нас достойными этого проявления Своей любви.

Один протестантский пастор как-то встретил православного священника и сказал ему:

– Мы, протестанты, занимаемся благотворительностью, строим дома для престарелых, социальные заведения, залы, больницы, организуем концерты поп- и рок-музыки и привлекаем молодых, проводим экскурсии, мы очень активны. А вы, православные клирики и Православная Церковь, что делаете вы?

А священник, вместо того чтобы перечислять ему разные виды пастырской работы, сказал лишь одну короткую фразу:

– Мы, православные, служим Святой литургии.

Мы делаем это и наполняем рай людьми, душами, которые спасаются. Мы утешаем людей, сводим Бога на землю и возводим людей на небеса. Это наш вклад, это то бесконечно важное, что Церковь дает миру. Самое важное. Это источник, из которого истекают и остальные дела Церкви.

Всё начинается с того момента, когда мы слышим, что бьют в колокол. С него начинается Святая литургия, всякое богослужение вообще. Мы слышим, что звонит колокол.

У нас на приходе есть один человек, который испытывает огромную радость, когда у него появляется возможность позвонить в колокол. У колокола этого есть механизм, воспроизводящий разные мелодии: благовест, праздничную, святогорскую. И он предвкушает это с великой радостью, как маленький ребенок, и говорит:

– Отче, сегодня я запущу радостный благовест, чтобы люди услышали и пришли в церковь.

¹ См. Иоанн, игумен Синайский, преподобный. Лествица. Слово 26.

Этот момент поистине великолепен. Надо, однако, заметить, что когда-то колоколов не было. В Церкви в первые годы ее существования люди просто звали друг друга. А потом, когда возросло число христиан, появились клепала. Позднее в некоторых местах использовали трубы – например, в монастыре, основанном святым Пахомием Великим, – в них трубили, чтобы напоминать христианам о трубах Апокалипсиса. В нем говорится, что Второе Пришествие будет происходить так: затрубят трубы, и все люди воскреснут, чтобы предстать на Суд.

В эпоху Константина Великого в ходу были железные клепала, по которым ударяли молотком. Колокола впервые появились на Западе, а в Константинополь попали в 865 году, намного позже постройки Святой Софии. Тогда один венецианский вельможа подарил 12 колоколов храму Святой Софии. Они называются кампанами, потому что происходят из Кампании, области в Италии.

Летописцы говорят, что, когда в Византии в первый раз зазвонили колокола, люди стали выбегать из своих домов с радостными восклицаниями. Мы сейчас привыкли слышать колокола, и они уже не кажутся нам такими сладкозвучными, как тогда. Но давайте представим себе, что мы никогда не слышали звона колоколов и вдруг неожиданно слышим его. Люди выбегали тогда на дороги, думая, что это Ангелы сошли на землю и смешались с ними. И христиане шли на богослужение, преисполненные воодушевления.

Так, звоня в колокола, Церковь зовет нас прийти помолиться. И мы просыпаемся, но только нам хочется поспать еще немного, и в итоге мы опаздываем. Нам не хочется идти, и мы всё оттягиваем: «Посплю еще чуть-чуть, ничего, приду немного позже!» – такие мы нерадивые и, к сожалению, ленивые, и нам не хватает ревности. Ради чего-нибудь другого нам ой как хочется встать: по утрам на улицах можно увидеть многих спешащих к морю, чтобы искупаться, а здесь кто-то таскает ведра с водой, чтобы помыть свою машину в воскресенье утром, там женщины развешивают на веревках одеяла, чтобы проветрить их, потому что всю неделю работают и многого не успевают сделать. Это происходит чуть позже, часам к 9 утра. Кто-то направляется к киоску за газетой, здесь явно готовят еду, там слышен телевизор: люди смотрят спортивные новости и не идут в церковь.

Это явление очень печально. Оно печально потому, что у людей не стало влечения к Святой литургии. В это же время мы страстно желаем очень многого, так что ни при чем тут ранний час, в который служится Святая литургия. А как же люди встают в 6 утра, чтобы искупаться в море, пока на пляже нет столпотворения и кругом тишина? Или чтобы побыть с близкими людьми, или поехать куда-нибудь на спортивное мероприятие? Когда любишь что-нибудь, ты готов делать это в какой угодно час.

Я заметил, что, читая о миссионерах и людях, живущих в других странах, стыжусь, сравнивая себя с ними. Эти люди могут целыми днями идти пешком, чтобы попасть на Святую литургию. Они по два дня идут пешком, и малые дети тоже, чтобы принять участие в Святой литургии. Пусть они и не понимают всего, зато всё чувствуют душой на начальном этапе своей веры.

Как-то я читал дневник одного епископа (речь идет о Греции), он пишет: «В воскресенье, 30 марта 1941 года, ранним утром я отправился в первый батальон, где служил и проповедовал. Причистилось около 500 мужчин, руку у меня свело, и мне было ужасно больно от непрерывного преподавания Святого Причастия. В другой раз я вынужден был служить на коленях, в палатке, потому что на улице дождь шел не переставая. Солдаты следили за Святой литургией под дождем и в конце причастились Пречистых Таин».

Какое трогательное зрелище! Среди диких гор, под проливным дождем солдаты молятся, чтобы соединиться со Христом Спасителем. Эти люди будут судить нас за нашу леность и нерадение. Даже святой Косма Этолийский говорит, что деньги, которые человек зарабатывает в воскресенье, когда работает, не имея на то серьезных причин, не благословляются Богом. Другое дело, если кому-то приходится работать, потому что долг его к этому обязывает. А если

ты можешь закончить работу и позже, но всё равно не идешь в церковь, то это очень серьезно и несправедливо по отношению к нашей душе. И этим мы уязвляем Бога.

Один святой духовник минувшего века, отец Венедикт Петракис из Агринио, как-то шел служить Святую литургию в воскресенье. У храма стоял человек, продававший фрукты и овощи. Когда шла литургия, он всё так же стоял на улице. Отец Венедикт сказал ему:

– Деточка моя, зайди внутрь, чтобы принять участие в Святой литургии, а потом продашь свою продукцию!

Тот, однако, дерзко ответил ему:

– Отче, занимайся своим делом, а я буду заниматься своим! Я в твои дела не лезу, и ты в мои не лезь!

Святой сказал ему:

– Хорошо, дитя мое, но только увидишь, что не успеет закончиться Святая литургия, как твои фрукты и овощи сгниют.

Чтобы заставить этого человека задуматься, Бог попустил, чтобы, когда закончилась Святая литургия, всё, что у него было на столе, оказалось полным червей. А также чтобы показать ему, что Он не одобряет подобной дерзости.

Кто не ходит в церковь по какой-нибудь серьезной причине, тот хотя бы должен испытывать скорбь из-за этого, а не оправдываться и говорить: «Я хорошо сделал, что не пошел. У меня есть на то причина и оправдание». Не оправдывай себя, предоставь Богу тебя оправдывать, а сам не оправдывайся.

Но вот мы с вами, однако, просыпаемся рано, поэтому и находимся здесь. Идем на Святую литургию, делаем этот шаг в сторону Церкви и приближаемся к храму Божию, а когда заходим внутрь, то давайте будем ощущать – еще прежде, чем войти, – ту честь, какую оказывает нам Бог. Некоторые люди уже одним тем, как они заходят в храм, показывают свое благоговение и сродство – хорошее или плохое – со средой. То есть надо ощущать, что это дом твоего Отца. Хотя есть и такое сродство, которое таит в себе немалую долю наглости, дерзости и нечестия.

Перед тем как войти в храм, давайте подумаем, что вхождение в храм – это честь для нас. Мы ведь могли бы туда и не войти. Когда? Если бы жили в первые годы после основания Церкви, когда христиан не крестили маленькими, как сейчас, а в зрелом возрасте. Тогда были оглашенные, проходившие строгую катехизацию, и только если их душа была готова, они крестились и могли участвовать в Святой литургии.

В первые века существовало несколько категорий христиан. Плачущие – это те, кто стоял у входа в храм. Они совершили какие-то грехи и плакали о них, говоря входившим: «Помолись обо мне, ибо я согрешил. Помолись, чтобы ко мне пришло покаяние, чтобы мне простилось!» – и не заходили на Святую литургию.

Были также и обуреваемые², тоже стоявшие на улице, их хлестали дожди, не щадили мороз, жара, снег. Они жаждали зайти на Святую литургию, но не имели на это права по причине своего духовного несовершенства. Были еще слушающие, которые только слушали. Как и одержимые нечистыми духами, то есть страдавшие от злых духов, они тоже не заходили на Святую литургию.

А сейчас в храм заходят все, как будто он – их собственное пространство, одетые как хотят, сидят как хотят и где хотят, ведут себя как хотят, и если кто-нибудь захочет поправить их, они этого не понимают. А что ты скажешь человеку, который не чувствует, что внешний вид у него вызывающий, поведение неприличное, а способ, каким он крестится, и жесты возмутительны? Он этого не понимает – потому что это вопрос его духовной культуры. О, сколько всего видят клирики, сколько видят и верующие, которые хотят сосредоточиться, но не могут!

² В русской традиции эти категории кающихся называются так: припадающие, плачущие, слушающие и купностоящие.

Когда мы окажемся в вечности, в вечной жизни, то поймем, как сильно помогла нашей душе Святая литургия и какую огромную пользу мы получили от нее. Сейчас мы этого наверняка не понимаем, потому что привыкли к ней. Но бывает, мы проходим через трудные моменты, как некоторые дети, которые уезжают учиться на чужбину, а там нет храма поблизости. И хоть дома они и не особо ходили в церковь, то там ее им не хватает, и они говорят:

– Я уже три месяца не был в церкви! У нас нет рядом храма, до него два часа ехать на автомобиле. А когда мне ездить в другой город?

Когда мы попадаем в больницу и полежим там с месяц, нам начинает не хватать Святой литургии, и мы тогда видим, какой дар у нас был, а мы его не ценили. Ну а сейчас, поскольку она у нас есть, давайте будем считать, что мы имеем эту честь от Бога.

Войдя в церковь с этим сознанием чести, которую оказывает нам Бог, зажжем свечку. Свеча напоминает о древних факелах, горевших в катакомбах. Когда христиане прятались в катакомбах, в первые годы, в коридорах стояли такие большие пылающие светильники, которые указывали путь к месту, где шло собрание христиан. Найти место, где шло собрание христиан, нельзя было так просто. Его нельзя было так легко найти, чтобы язычники их не поймали, и вот они шли по этим светильникам, этим факелам, и доходили до собрания.

А сейчас у нас с вами есть свечи. На меня произвело сильное впечатление то, что пишет старец Паисий: «Богу мы отдаем свечу – последнее, что у нас есть, и Бог принимает это как жертву». Почему же последнее? Потому что свеча сделана из восковых сот, на которых пчелы откладывают мед. Мы забираем себе полезное – мед, а воск, бесполезный и несъедобный, отдаем Богу в качестве жертвы. И Бог это принимает. Мы считаем, что это дар, и Он радуется этой жертве.

Также и ладан делают из смолы, стекающей по дереву, т. е. это нечто бесполезное, а мы отдаем это Богу в жертву любви и благоговения.

Свеча горит и напоминает нам о свете, сияющем во мраке нашей эпохи, о свете, который мы должны иметь в себе, передавать его другим и хранить. Она символизирует также светлые помыслы, которые должны у нас быть, чистые мысли, чистый ум и прозрачность, которые должны нас отличать, и чтобы мы говорили: «Как тает свеча, так да растают и мои пороки, мои страсти. И как церковный служка внезапно хватается их, так и меня схватит Бог, и моя земная жизнь внезапно потухнет в какой-нибудь из дней».

Некоторые люди возвращаются, чтобы посмотреть, горит ли еще свеча, которую они поставили, или ее уже потушили. Это не имеет значения: мы сделали то, что нужно, – зажгли ее, принесли Богу. Вопрос не в этом, а в том, чтобы эта свеча горела во мне, чтобы она была постоянно возженной и после Святой литургии, всю мою жизнь. Сколько бы ни простояла зажженная тобой свеча, но если в тебе не горит свеча веры и благоговения к Богу, всё остальное превращается в пустое, формальное действие. Зажигая свечу, нам хорошо будет вознести молитву.

Естественно, не нужно ставить много свечей: дело не в количестве, а в вере и нашем сердечном соучастии. Кто-нибудь ставит одну свечу за живых и одну за усопших (на Кипре и, очевидно, в Греции не принято ставить нечетное количество свечей за живых и четное за усопших). Эти две свечи могут тронуть Божие сердце. А кто-то ставит больше – и Бог снова трогается. Но кто-то ставит много свечей, однако ничего не добивается. У каждого свой подход в соответствии с его побуждениями. Будем говорить при этом: «Господи Иисусе Христе, помилуй раба Твоего (такого-то)», если у нас есть больные родственники, или: «Упокой души усопших раб Твоих (таких-то)», если кто-нибудь недавно отошел из мира сего.

Хорошо также, войдя в храм и поставив свечку, найти для себя место на время Святой литургии и сосредоточенно там помолиться. Это плохая привычка, когда кто-нибудь разговаривает во время Святой литургии, это очень серьезный грех, если кто-нибудь так делает. «Придя на Святую литургию, – говорит святой Серафим Саровский, – всё время, пока ты

в храме, непрестанно произноси про себя Иисусову молитву». Ничего больше. Или какую-нибудь другую молитву. «Господи Иисусе Христе, помилуй мя», – я вхожу сейчас в храм, и всё внешнее перестает для меня существовать: работа, разговоры, еще что-нибудь. Всё это мы скажем, когда выйдем, в другое время. Старец Иаков, которого я видел в 1970 году на Эвбее, повел меня в алтарь – я был тогда еще маленьким – и сказал:

– Дитя мое, посмотри, как я терзаюсь во время Святой литургии, как демоны стараются отвлечь меня, чтобы я не сосредоточился. Вьют веревки, которые я один вижу, чтобы заставить меня споткнуться, чтобы я не внимал и не молился сосредоточенно. Но иногда, когда меня выводит это зрелище, я молю святого Давида, и он входит в Святую литургию, и я его вижу, он сидит рядом со мной. И тогда я отступаю от святого престола и отхожу в сторону, а люди не понимают, почему я отошел в сторону. Но как же мне, дитя мое, служить, когда рядом со мной святой Давид и я его вижу?

Это произвело на меня тогда сильное впечатление, и я это до сих пор помню.

Также святой Николай (Планас) на Святой литургии часто понимал, кто из христиан присутствует, а кто отсутствует. Может, телом все и были в храме, но душа их носилась где-нибудь. Святой Николай видел это. Люди в храме видели стулья, утварь, иконостас, алтарь, а он видел еще и душу каждого человека, каждого молящегося, видел Ангелов, видел и бесов, видел Самого Господа.

Однажды он совершал каждение (вы, конечно, слышали об этом известном случае из его жития) и покадил одну госпожу, а рядом было пустое место, он покадил и его. А дальше сидела одна госпожа, которую он вообще не покадил и пошел дальше. Когда закончилась Святая литургия, эта госпожа, расстроенная, подошла к нему и сказала:

– Отче, ты обошел меня самым вопиющим образом: всех покадил, а меня нет! И не только, но еще и покадил место, которое было пустым. Почему ты сделал это?

Он ей сказал:

– Поверь мне, дитя мое, я не видел тебя на Святой литургии. Ты была в храме?

– Ну как же не была, отче! Вот, я же о Святой литургии тебе говорю.

– Я скажу тебе кое-что. А ум твой не был тогда с козами?

Мы говорим об Афинах старых времен, святой Николай (Планас) служил в Плаке (древнейший район Афин), и у людей тогда были свои стада, поля, откуда они добывали для себя молоко, мясо и т. п. И она думала о своем стаде: как она туда пойдет, что сделает и т. д.

Она сказала:

– Ну да, в то время, когда ты проходил, я немного подумала об этом.

– Когда ты думала о нем, я не видел, чтобы ты была здесь, – сказал святой.

– Хорошо, ну а почему же ты покадил пустое место рядом со мной?

– Рядом с тобой место госпожи такой-то, твоей знакомой, которая сейчас больна и лежит в постели, но думает о нас, служащих, и говорит в уме: «Если бы и я могла сейчас быть на Святой литургии, как же хорошо было бы!» Я видел ее, как будто она присутствует в храме.

Прозорливость святого производит сильное впечатление, но Бог видит больше, Он видит всё, каждый эпизод нашей жизни. Сколько же мы еще будем спрашивать себя: «А что обо мне видит Бог?» Что видит? Мы, люди, прячемся от других, но от Бога спрятаться не можем даже на Святой литургии.

И на Святой литургии давайте сосредоточивать свой взгляд, снова говорит святой Серафим Саровский, на какой-нибудь иконе, или лампаде, или на священнике – не с целью сосредоточиться на священнике, а чтобы от него наша мысль переходила к священным помыслам и переживаниям в нашей душе.

Уголек, к которому бесполезно прикасаться

И коль скоро мы заговорили о священниках на Святой литургии, то давайте быть очень внимательными, чтобы смотреть на них с великим благоговением и уважением. Потому что священник во время Святой литургии – не тот же, который во вторник, среду и четверг может водить машину, ходить за покупками, отводить детей в школу. В час Святой литургии он – нечто иное. Он как ангел, ведь, в сущности, Сам Господь совершает чрез него Святую литургию. Потому что, как говорится на Святой литургии, «потому что Ты – приносящий и приносимый, принимающий и раздаваемый»³.

Я служу Святую литургию, но совершает Святую литургию Христос мною. Священник на Святой литургии потому и одет в полное священническое облачение, что его одежда – это одежда Христа, это та одежда, которая будет у нас в другой жизни. Поэтому, каким бы ни был священник, давайте относиться к нему с большим благоговением и уважением. Ведь даже если все вы, находящиеся здесь, помолитесь, то Святые Дары не преложатся. А если один священник, пусть и очень грешный, помолится, они преложатся, и совершится Святая литургия. Из-за одного этого мы должны уважать и любить священников.

Был однажды такой священник, который служил и делал при этом ошибки на литургии. Он был святым человеком, но вот только читать как следует не умел. Он даже ангелов видел. И вот однажды владыка пришел к нему в храм на праздник и увидел ошибки, которые он совершает, и сказал ему:

– Отче, ты не так говоришь это, надо вот так.

– Ваше Высокопреосвященство, простите, я не знал этого!

И он поправил его. А на другой день владыка уехал, и священник снова служил, и снова увидел ангелов. Они, услышав, что он правильно возносит ектению, обрадовались и сказали ему:

– Отче, какой ты молодец! Сейчас ты очень хорошо это сказал, вот это правильно!

А он им сказал:

– Святые ангелы, я столько времени вижу вас, вы столько времени приходите ко мне – и не сказали, что я делаю ошибки? А владыка пришел и поправил меня.

И один из ангелов ответил:

– Отче, ну неужели мы, ангелы, станем поправлять священника? Разве у нас есть право говорить священнику, указывать ему на ошибки и говорить, что «здесь ты говоришь неправильно»? У нас нет такой власти.

Это я прочитал однажды, и мне оно очень понравилось. А мы – каждый выходит и тут же комментирует, поправляет и говорит всё, что хочет и о ком хочет.

Поэтому мы и видим, что священник закрывает свое лицо. Например, когда он выходит со Святым Евангелием, на Малом входе, то держит Евангелие перед своим лицом, чтобы виден был Христос. Евангелие – это Христовы слова. А когда мы совершаем Великий вход, то держим перед собой Честные Дары. Почему? Мы словно говорим вам: «Не смотри на меня, не смотри на мое лицо, это не я прохожу и совершаю Великий вход, а Сам Господь». Поэтому и говорится: «Чтобы принять Царя всего»⁴, Самого Господа – потому что это Христос приходит, Христос говорит, Христос жертвует Собой, Христос есть всё во всех.

³ Это слова из другой тайной молитвы, читаемой священником в алтаре: «...Ты бо еси Приносяй и Приносимый, и Приемляй и Раздаваемый...»

⁴ В нашем богослужении букв.: «Яко да Царя всех подыдем...»

Есть один особо священный момент, когда священник выходит, благословляет рукой и говорит: «Мир всем» или произносит какое-нибудь еще благословение, которое он нам преподает. Святой Исидор Пелусиотский говорит, что это благословение – благословение Самого Христа. Когда священник благословляет тебя, то тебя реально благословляет Христова рука. Потому что это последняя картина из жизни Христа, когда Он был на земле. Если кто-нибудь скажет: «Нарисуй Христа в последний запечатленный момент Его жизни», то знаете, какой момент был последним? Его Вознесение, когда Он возносился, благословляя Своих учеников. Картина благословения. Поэтому, когда священник благословляет людей в церкви, то это Христос их благословляет. Поэтому и мы в этот момент наклоняем голову, показывая, что желаем благословения, чтобы оно вошло в нашу душу и чтобы мы его ощутили.

Даже один турок, который сейчас блаженствует на небесах в лице святых, святой Ахмед, видел, как из пальцев священника исходят лучи и покрывают сердца христиан, а его – нет. Когда литургия закончилась, он спросил священника:

– Отче, а почему в тот момент, когда ты благословлял, народ осенил свет, а меня нет?

Он ему ответил:

– Потому что, дитя мое, ты некрещеный, не православный.

– Я тоже хочу креститься, я тоже хочу стать христианином, чтобы и ко мне приходил этот свет и освещал меня. Я видел свет. А ты, отче, видишь его?

– Дитя мое, Бог удостоил тебя увидеть его, чтобы тронуть твою душу. А я его не видел, но ты видел его, – это твое личное переживание, и оно истинно.

Он стал христианином, исповедал свою веру, был подвергнут мучениям, и сейчас у нас есть святой Ахмед, по национальности турок⁵.

Я говорю вам это, чтобы мы время от времени вспоминали об этом и не обсуждали священников на Святой литургии, а смотрели на них с любовью, уважением и благоговением.

Священники тоже люди, они подвизаются, и мы на Святой литургии тоже будем стараться сосредоточиться, хоть это и нелегко для нас. Помните пример с угольком? Священник – он как уголек, к которому, возжжен он или погас, тебе бесполезно прикасаться, потому что если возжжен, т. е. если священник – святой человек, а ты его несправедливо обвинишь, то обожжешься. А если погас, т. е. священник таков из-за своей греховности, то очернишься и испачкаешься. Не твое дело – судить клириков.

Один отшельник, однако, увлекся тем, что говорили о священнике, приходившем к нему и служившем Святую литургию на месте его подвижничества. Кто-то сказал ему:

– А-а-а, ты этого священника принимаешь, чтобы он служил у тебя? Да разве ты не слышал, что он сделал то-то и то-то?

«Ах, так вот он какой? Не стану больше звать его! А я-то думал, что он святой!» – сказал себе подвижник.

И вот священник пришел и постучался в дверь подвижника, но он не открыл, и тот ушел расстроенный. А потом подвижник увидел во сне золотой колодец, возле которого стоял человек, больной проказой. Ведро было золотое, цепь тоже, вода – чистейшая, и он доставал воду из золотого колодца. И человек этот сказал подвижнику:

– Пей!

А он отвечает:

– Ой, нет. Я не пью из рук прокаженных.

И тогда услышал от Господа голос:

– Дитя Мое, почему же ты не пьешь?

– Но он же прокаженный!

⁵ Ахмед Калфа принял мученическую смерть за Христа 3/16 мая 1682 г. и включен в греческий и болгарский месяцесловы.

– А разве ты не видишь, что он только зачерпывает воду, он не дает ничего своего. Разве ты не видишь, что колодец весь золотой, ведро золотое? Священник не дает тебе чего-нибудь своего, будь он даже прокаженным, а дает тебе Господь, Который чист и непорочен, – ответил Господь.

Святое Причастие совершает уникальные чудеса, какой бы священник ни причащал. Поэтому какой бы священник нас ни причащал, к кому бы мы ни пошли – мы принимаем одного и того же Христа. Естественно, если твой духовник служит вместе с другими духовниками, то ты из благоговения и любви можешь захотеть причаститься у него, но это не означает, что Святое Причастие имеет разную ценность.

То, что священник кадит нас во время Святой литургии, указывает на молитвы христиан. В Апокалипсисе есть замечательный образ ангелов, собирающих молитвы христиан и возносящих их пред Бога (ср. Откр. 5, 8; 8, 3–4). А на вечерне мы поем: «Да исправится молитва моя, яко кадило пред Тобою». Молитва, как фимиам, возносится на небо.

Когда я был рукоположен, священник дал мне замечательное толкование ладана, угля и кадила. Он сказал:

– Отче, сейчас ты – хороший ладан. Ладан благоухает. Если мы привезем его со Святой Горы Афон и ты его понюхаешь, то он благоухает. Но чтобы это благоухание распространялось вокруг, – продолжил он, – ладан надо положить на уголек и разжечь. Так и в нашей жизни: чтобы заблагоухала наша душа, как ладан в церкви, надо и нам пропечься в испытаниях и искушениях. Поэтому Бог их и попускает, и так проявляется ладан, это благоухание молитвы, благодать Святого Духа. А уголь – это огонь Божества, вошедшего в утробу Пресвятой Богородицы, и Она при этом не обожглась. Основание кадила – это утроба Пресвятой Богородицы, уголь – Божество, а ладан – это благоухание Святого Духа, распространившееся по миру.

Есть такие символические толкования, которые делают даже святые. Святая литургия – не символическое событие, а самое настоящее, перед нами реальность, но всё же неплохо было бы дать и некоторые толкования, которые помогли бы нашей душе кое-что понять.

Всем этим действием Церковь говорит нам: «Я смотрю на тебя как на образ Божий. Ты принимаешь это?» И мы склоняем головы, признавая, что мы тоже образ Божий, сотворены по образу Божию. Как правило, священник кадит только иконы, но поскольку и мы несем в себе печать Божию, то он кадит и нас.

На Святой литургии освящается наш взор, когда мы смотрим на иконы, когда смотрим на клириков или на какого-нибудь верующего, благоговейно молящегося впереди нас, освящаются и наше осязание, слух, глаза. И когда мы смотрим на икону, то не надо смотреть просто на технику ее исполнения, кто ее написал и византийская ли она, эпохи Палеологов или Критской школы, а думать: «Этот святой, что он может сказать конкретно мне по жизни? Вот эти святые победили, победили мир, насмешки мира, свои страсти, страх перед людьми, и сейчас они – святые. А значит, это вселяет в меня надежду, что я не один в этой жизни».

Когда я смотрю на святую Марину, святую Параскеву, святого апостола Андрея, то стараюсь, чтобы и моя жизнь шла по их стопам, и утешаюсь. Поэтому в церкви иконы расположены так близко к нам, чтобы нас утешать, вдохновлять в жизненной борьбе и укреплять веру.

Знаете, как христианизировался болгарский народ? Благодаря одной иконе. Святой Мефодий показал правителю болгарского народа святому князю Борису икону грядущего Суда, которая была написана так, что потрясла его. Увидев будущий Суд на иконе, он был так поражен, что захотел стать христианином, а за ним последовал и весь народ.

Когда святой Порфирий Кавсокаливит увидел в автомобиле маленькую иконку, повешенную кем-то над лобовым стеклом, – она была не такой уж художественной, но довольно хорошей, – то сказал:

– Эта маленькая икона написана с большой молитвой.

Он не знал, кто ее написал, но видел это, потому что иконы изливают благодать на наши души. Мы часто смотрим на какую-нибудь икону и трогаемся, что-то начинает говорить в нашей душе. Это величие Божией благодати, которая входит даже в природу и бездушные вещи, находящиеся рядом с нами и окружающие нас.

В церкви освящается и наш слух – мы слушаем Святое Евангелие, и это – великое благословение в нашей жизни, потому что, когда слышишь его, очищается твой ум, исцеляются страсти, умножаются силы и услаждается сердце.

Вы только задумайтесь: мы не уставали, и не потели, и не копали, чтобы найти Христовы слова, всё уже готово, потому что это – дар. Великий дар то, что мы слушаем Евангелие и у каждого из нас дома есть Евангелие. Мы идем в храм и слушаем там слова Самого Христа, поэтому священник и говорит: «Рече Господь...»⁶ Слышим о жизни Господа Иисуса Христа, читаем Его собственные слова, и они прикасаются к нашей душе.

На святом престоле стоят только Святой Потир и Евангелие, т. е. здесь само Христово присутствие. У многих христиан есть хороший обычай – прежде чем начнется Святая литургия, просматривать накануне вечером евангельский текст, потому что в церкви события развиваются быстро, и у нас нет времени углубиться в него, а так они заранее готовятся.

Я хотел бы попросить вас во время Херувимской песни (и себя самого прошу об этом в первую очередь), с момента начала Херувимской песни и дальше, чтобы ум наш не думал ни о чем больше, кроме Христа и того, что сейчас имеет произойти, – страшной жертвы Святой Евхаристии. В этот час мы становимся подобны херувимам, серафимам – так мы должны себя чувствовать и думать только о Христе, Который грядет, чтобы принести Себя в Жертву. Сделаем же это своей целью, желанием, подвигом.

Поэтому после чтения евангельского текста и говорится: «Скажем все от всей души и всем умом своим скажем!»⁷. То есть чтобы мы всей душой и сердцем думали о таинстве, которое совершится вскоре.

Если бы мы видели, что происходит во время Святой литургии, это говорит старец Иаков (Цаликис), то все побежали бы вон – от страха. С этой минуты мы не входили бы внутрь. Сколько миллионов ангелов и архангелов окружают храм, а мы ничего не понимаем и думаем, что находимся в обычном месте, где мы просто собрались и стараемся помолиться. А Христос в этот час входит в святой город, чтобы принести Себя в Жертву. Входит, сопровождаемый множеством ангелов, и держит в руках Своих нашу жизнь.

Когда священник выходит, то он держит святой дискос, на котором лежит Агнец – центральная часть просфоры, которую мы вырезаем, а рядом с Ним – частица Пресвятой Богородицы. С другой стороны – частицы ангельских чинов, святых, бывших во все века, святого, которого празднуем сегодня, а перед Агнцем, перед той частью просфоры, которая станет Телом нашего Господа, располагаются частицы в честь имен живых и усопших. Эта крошка представляет всю нашу жизнь, все проблемы и всю жизнь мира.

Священник держит дискос и снова вносит его в алтарь. Мы как будто говорим: «Господи, я взял мир и возвращаю его Тебе, чтобы Ты его освятил». Господь принимает дар, который мы Ему подаем, и отдает нам самое драгоценное, что только может дать, – Своего Сына. Бог снова сходит на землю, Святые Дары претворяются в Его Тело и Кровь, и мы причащаемся их.

⁶ Т.е. «сказал Господь».

⁷ В нашем богослужении букв.: «Рцем вси от всея души и от всего помышления нашего рцем».

В наших венах течет Христова кровь

Когда мы приступаем к Святому Причастию, думаю, это термометр нашей веры. Как-то мы говорили, что термометр нашей веры – это молитва, а сейчас я говорю: термометр – это взывает ли наше сердце при взгляде на Причастие. Молитва – это любовь к Богу, и Святое Причастие – тоже любовь ко Господу, но оно еще и нечто гораздо более высокое, несравненно более высокое, ведь через Святое Причастие мы принимаем в себя Божественную силу.

Говорят: «Да будет тебе Святое Причастие во здравие!» Да, конечно, но только мы принимаем в себя не что-то магическое, но Сам Господь входит в нас. Наше тело становится одним целым с Его телом, в наших венах течет Христова кровь, наше дыхание становится Его дыханием, и Его дыхание – это наше дыхание. Мы становимся одним целым с Ним. Христова жизнь становится нашей жизнью, и происходит нечто совершенно поразительное.

В эту минуту мы жаждем причаститься Христа, и это цель Святой литургии. Она для того и служится – чтобы мы причастились. А те из нас, кто не причащается, давайте смотреть на причащающихся, и радоваться за них, и ревновать им. А кто не испытывает рвения, когда другие причащаются, это значит, что он не чувствует Святого Причастия, у него нет ощущения Причастия.

Надо, чтобы мы ревновали им в хорошем смысле слова, чтобы говорили: «Ой, я тоже хочу подвизаться и причаститься! Я тоже хочу сделать то, что сказал мне духовник, – исправить этот недостаток, препятствующий мне подойти ко Святому Причастию, и в следующий раз причаститься». А если ты смотришь, как другие причащаются, но тебе это безразлично, и ты поглядываешь на часы: «А который час? Ой, ну сколько же еще это будет продолжаться? Когда же наконец всё закончится!» – это значит, что Святое Причастие не трогает твою душу.

Когда я был маленьким, мне нравилось смотреть, как причащаются. Я смотрел на это зрелище, и мне казалось, что люди подходят и как будто принимают внутрь себя солнце. Да, солнце одно, и все его принимают. Так и в случае со Святым Причастием: Господь весь входит в нас, и каждый принимает не какую-то Его часть, а всего Христа, как бы велика или мала ни была частица, которую священник преподает нам.

И если бы мы могли спросить у Господа: «Господи, а какое самое большое Твое желание связано с нами? Чего Ты больше всего от нас хочешь?» Если бы мы могли приоткрыть сердце Господа, чтобы посмотреть, какое самое большое желание оно таит, то, думаю, услышали бы, что Господь хочет стать одним целым с нами. Думаю, Он сказал бы нам так:

– Дитя Мое, чего Я больше всего хочу – это соединиться с тобой. Я ведь для того и стал Человеком, чтобы стать тем, чем являешься ты. И для того и оставил вам в дар Святое Причастие, чтобы и ты стал тем, чем являюсь Я; чтобы мы с тобой стали одним целым.

Вот что говорится в Откровении: *Се, стою у двери и стучу: если кто услышит голос Мой и отворит дверь, войду к нему, и буду вечерять с ним, и он со Мною* (Откр. 3, 20). А Святое Причастие, т. е. Вечеря, и есть соединение с Господом. Мы целиком соединяемся с Ним и с Ним отождествляемся.

Как-то на Эвбее одна женщина пошла исповедоваться к старцу Иакову. Она исповедала ему всё, кроме одного тяжкого греха, который скрыла. Старец это понял, но ничего ей не сказал. Он помолился, чтобы Бог просветил ее, и Бог действительно просветил ее чудом, чтобы она поняла, что совершила ошибку, утаив грех.

Какое-то время спустя после этой исповеди она снова пошла в храм, где служил старец. Храм был в этот час совершенно пуст, и женщина увидела, что алтарь открыт, а на святом

престоле сидит очень красивый юноша с удивительно прекрасным лицом. Она пришла в негодование и сказала ему:

– Ты что там делаешь? Сидишь на святом престоле?! А ну-ка слезай вниз! И не стыдно тебе? Молодой человек – и расселся на святом престоле! – продолжала возмущаться она.

Тогда Юноша повернулся к ней и очень спокойно сказал:

– А ты почему не назвала тот грех, который совершила? – И назвал ее конкретный грех.

Она пришла в изумление и сказала Ему:

– А откуда ты знаешь, что я не назвала этого греха? Ты откуда меня знаешь? Кто ты такой?

Он ей сказал:

– Я Тот, Кого ты завтра примешь в себя.

Сказал и исчез.

Сам Господь явился ей и как будто сказал: «Я Тот, Кто будет тебя судить. Я Тот, Кто помог тебе в таком-то деле», а на самом деле не сказал ей ничего, только о Святом Причастии. Потому что мысль Христа направлена на него, она туда устремлена, Он хочет, чтобы мы пришли к Причастию все – чтобы стали настоящими, готовыми принять Его в себя. «Я Тот, Кого ты завтра примешь в себя».

Эта женщина, как вы догадываетесь, сразу же бросилась к старцу Иакову и в слезах рассказала ему о произошедшем. Потом об этом стали говорить в монастыре, и так этот случай вошел в книгу о старце Иакове.

Святое Причастие очищает, оно не передает инфекцию. Как и Святой Дух очищает нас. Ты словно выставляешь на солнце что-нибудь грязное, и ему от солнца хуже не бывает. Наоборот, оно очищается от всякой скверны и грязи.

Поэтому статистика свидетельствует, что клирики – самые долгоживущие люди на земле. Редко можно увидеть, чтобы священник умирал молодым: если только Бог не попустит, они, как правило, умирают в весьма преклонном возрасте. Постоянно причащаются, постоянно потребляют Святое Причастие и живут по столько лет, а логически и научно этого нельзя объяснить.

Мы, священники, не можем спросить, не болен ли кто-нибудь СПИДом, нет ли у кого ранки во рту, а причащаем всех и затем потребляем Святое Причастие. И это доказывает, что Святое Причастие – действительно Таинство таинств и великая тайна, которую мы должным образом не оцениваем.

Старец Иаков как-то говорил, что видел каплю человеческой крови в Святом Причастии, когда причащался. А в другой раз видел луч света, исходящий из Святого Потира, и отсюда понял, что причащавшиеся были подготовлены должным образом.

Святой Андрей Критский, автор Великого покаянного канона, когда был маленьким, долго не говорил, и исцелился, и язык у него разверзся на Святой литургии, после того как он причастился.

Святой Иоанн Кронштадтский был великим человеком, совершавшим множество чудес через Святое Причастие. Он исцелял больных, с такой верой преподавал им Святое Причастие, что, когда они принимали Христа, выздоравливали. Такая у него была огромная вера, и у причащающихся.

А мы, к сожалению, знаете, на кого похожи? Мы похожи на маленьких детей, играющих бесценными бриллиантами и не ведающих, что они держат в руках. Если бы мы обращали себе на пользу Святую литургию и Святое Причастие, то изменили бы свою жизнь и семью.

Один старец поучал своих духовных чад так: «Когда идете причащаться, молитесь Бога, чтобы Он подал вам дар в этот час. Когда Святое Причастие входит в ваши уста, помолитесь Богу», – он говорил о духовных дарах. В особенности советовал просить Бога о даре молитвы, чтобы Бог научил молиться. А другому говорил: «Моли Бога, да отнимет у тебя упрямство, чревоугодие, и чтобы ты стяжал смирение». Вот такие прошения, духовные мольбы.

Его знакомый, который не мог молиться как должно, в минуту, когда прикоснулся к Господню Телу, чтобы причаститься, стал молиться об этом, и ум у него открылся. И он понял в тот миг, что такое молитва, и ощутил, что духовно воскрес. И с тех пор каждый раз, увидев Святое Причастие, вспоминал об этом даре и плакал от волнения.

Таковы чудеса Святого Причастия, которые я желаю, чтобы и мы пережили в своей жизни и ощутили их. Есть люди, которые живут одним Причастием. Один человек, после того как причастился с верой и благоговением, не испытывал голода по несколько дней. Он ощущал себя так, как будто пресытился едой, как трое апостолов на Фаворе, когда они сказали: «Господи, давай останемся здесь» (см. Мф. 17, 4). Ты чувствуешь себя так хорошо, что не чувствуешь голода. Это и есть ощущение Святого Причастия.

Однако мы не готовимся к Причастию и поэтому многого не чувствуем, мы просто не готовы в этот час пережить это. Когда кто-нибудь вечером сидит и смотрит телевизор, а потом утром идет причащаться, он ничего не может понять. И вместо того чтобы сказать: «Я недостойн, а причастился», говорит: «А теперь, когда я причастился, почему ничего не происходит?» А что может произойти? И как оно может произойти, если ты не готов? Ты просто ничего не можешь почувствовать.

Некоторые говорят: «Святая литургия тяготит меня». Но чтобы тебя что-нибудь тяготило, надо ведь сначала пережить это, чтобы оно потом могло начать тебя тяготить. А что пережил ты? И можешь ли пережить когда-нибудь абсолютное в абсолютной степени? А поскольку Святая литургия – это Христос, то тебя что, тяготит Христос? Тогда ты не ведаешь, что творишь, не ведаешь, что говоришь, и никогда не ощущал Христа. А если ощутишь Его, тебе Он не будет в тягость.

Ангелы никогда не перестают воспевать Бога, это их дело. И рай будет сплошной, нескончаемой Святой литургией. Святая литургия силится пробудить нашу душу к славословию Бога, побуждает ее повернуться к небесным вещам и подражать ангелам, о которых говорится, что они непрестанно славословят, воспевают Бога, и им это никогда не надоедает.

Ангелы славят Бога с неизменным желанием, бодростью, живостью, восхищением, как в самый первый момент, и восхищение их только возрастает. Почему? Потому что они всегда видят что-то новое в Боге. Бог открывает им новую сторону Своей святости, новую сторону Своего величия, света, прибавляет мир к их миру, любовь к их любви, ликованию к их ликованию. Ангелы постоянно восхищаются, и когда хотят выразить свое восхищение и возрадоваться Богу, Бог, еще прежде чем они возрадуются, показывает им что-то новое, еще более восхитительное, и они еще больше радуются, и это никогда не кончается.

Это и будет происходить в вечной жизни, о которой иногда спрашивают: а какой будет Святая литургия в раю, как мы будем жить в раю, какими будем там? Мы будем там постоянно прославлять Бога, потому что будем видеть такое, чем никогда не сможем пресытиться, ибо там не будет пресыщения и конца. Мы увидим там Самого Господа и Его любовь.

Это происходит и на Святой литургии, и каждая Святая литургия чем-то отличается от других. Иначе ты воспринимаешь ее, когда твой супруг лежит в больнице: тогда ты возносишь другую молитву, и тебя по-другому трогает Евангелие. Иначе ее воспримет мать, потерявшая ребенка месяц назад, когда услышит евангельское чтение, повествующее о том, как Господь воскресил сына Наинской вдовы (ср. Лк. 6, 11–16). В этот час евангельский текст тронет ее по-другому, потому что она пережила это и знает, что значит потерять ребенка.

По-другому почувствует себя тот, кто только что создал семью и начинает свою семейную жизнь со Святой литургии, по-другому – школьник, идущий на экзамен. Так что всё зависит от нашего состояния. Всё это говорит о том, что слово Божие живо, и здесь происходит диалог Бога с нашей душой, но только он сильно зависит от нашей подготовки.

Один святой молился так: «Господи, да оживут сердца наши для славословия Тебе, да пробудятся!»

А однажды к старцу Паисию пришел человек, и старец сказал ему:

– Дитя мое, твоя душа находится в летаргии. Она должна проснуться. Чтобы я мог с тобой говорить и ты – меня понять, тебе надо сначала проснуться. Ты составишь себе духовное правило, будешь ходить в церковь регулярно, как можно больше, если можешь – три раза в месяц, а если можешь – и каждое воскресенье, еще лучше. И откроется понемногу ум твой, утихомирится сердце, а потом я начну говорить, и ты меня поймешь. А сейчас, если я и буду говорить, ты меня не поймешь, потому что твоя душа пребывает в лености и состоянии бесчувствия, безразличия, и ты не ощущаешь Божественных вещей, если даже я тебе их скажу.

Другой человек, у которого было множество проблем, пошел и сказал ему:

– Отче, у меня то-то и то-то, скажите, что мне делать?

Старец спросил его:

– А ты ходишь на Святую литургию?

– Не хожу.

– Так вот, будешь ходить теперь каждое воскресенье.

– Хорошо, а о моей проблеме что вы скажете? – Он хотел сменить тему.

– Ты сделаешь то, что я сказал, и тогда увидишь. Будешь ходить на Святую литургию.

– Да, но у меня ведь проблемы, о которых я вам сказал!

– Сделай это и увидишь!

Он поехал домой со Святой Горы немного расстроенный, говоря: «Я такой путь проделал, а в итоге старец Паисий сказал мне то, что я и так знаю: ходить в церковь! Ну что это такое? Надо было ехать к старцу Паисию, чтобы он сказал мне это? Но так и быть, сделаю, как он сказал».

Стал ходить в церковь, и проблемы в его семье и на работе постепенно стали решаться. Это его удивило. А через полтора года он увидел, что многое устроилось, и опять поехал на Святую Гору. Тогда старец Паисий спросил его:

– Ты ходишь в церковь, как я тебе сказал?

– Хожу, отче, и всё у меня устроилось. Я хочу, чтобы вы сказали мне, как это произошло?

Старец сказал ему:

– Дитя мое, когда ты ходишь в церковь, ты примиряешься с Богом. А когда примиришься с Ним, разве ты не понимаешь, что Он подаст тебе все блага? До того как прийти ко мне, у тебя не было хороших отношений с Богом, и ты Ему противился, был от Него далек. А я сказал тебе корень всего: если примиришься с Богом, всё остальное, одно за другим, решится. Поэтому твои проблемы и решились.

Наше спасение очень просто, оно близко, рядом с нашим домом, и ехать никуда не надо. Для этого нужно только одно чудо: чтобы Господь коснулся нашей души, разбудил нас и чтобы мы Его полюбили и возжелали.

Когда на Святой литургии мы ощутишь в душе радость, большую всякой другой радости, это значит, что начался «рассвет» нашей души в иной жизни: мы начинаем предвкушать, предчувствовать то, что будем чувствовать в вечности.

Молю Бога, чтобы Он нас, плотских людей, погрязающих в суете и фальши мира сего, сделал способными полюбить вечное, неизменное и непреходящее.

Таким образом, недоумения вокруг Святой литургии решаются на самой Святой литургии...

Говорим одно, думаем другое

Когда мы любим, нужно помнить, что с другим человеком надо жить в согласии. То есть «люблю» – это не значит, что я буду с тобой во всем соглашаться. Точно так же если я не соглашаюсь, это не значит, что я тебя не люблю и каждый раз буду поднимать скандал или ссору. Но, хотя у нас и бывают разногласия и я с тобой не всегда согласен, я люблю тебя. У меня имеется другое мнение, но это не значит, что я не выношу твоего. Мы должны быть готовы принять противоположное мнение и вести дискуссию, иначе у нас произойдет разлад. Потому что общего взгляда по всем вопросам у людей не бывает.

Как-то раз я спросил у одного человека: что нам мешает иметь разные мнения и любить друг друга, испытывать друг к другу любовь? Что нам мешает ладить между собой и оставаться вместе, невзирая на наши несогласия?

У Христа было двенадцать учеников, и у каждого был свой характер. Я имею в виду, что мы должны идти на уступки друг другу не в том, что касается догматов веры и сердцевины учения Церкви, а в практическом поведении. Я себя чувствую так, а ты иначе. Мой характер выдает одно, твой другое. Твое тоже хорошо, но только нам надо научиться выражать свое мнение без злобы и страха и без того, чтобы рвать контакты с другим, сжигать мосты коммуникации с другим человеком... И это тоже секрет духовной жизни. Если мы будем помнить о нем, то сможем принять своего супруга, когда у него будет другое мнение, принять ребенка, ближних.

В духовной жизни надо помнить еще, что мы говорим одно, а внутри нас терзает и гложет другое. Никто не перешел в ересь из-за того, что с ним произошло особое «просветление» и он «прозрел», будто православная вера не истинна. Нет, у кого-то, к примеру, умер ребенок, и сектанты нашли на него в минуту боли, когда он был брошен приходом и никто его не спросил: «Кто ты? Кем ты работаешь? А как у тебя дела?» Чужой среди чужих. А сектанты пошли к нему и привлекли его к себе. А потом он мне говорил:

– Там я нашел истину.

Я ответил ему:

– Если ты покопаешься и пороешься в себе, то увидишь, какой была реальная причина и что тебя туда привело. Ты испытывал тогда боль, одиночество и оставленность, неудовлетворенность души, а там нашел помощь.

Это происходит со всеми нами. Зачастую, когда у нас бывает в жизни какая-нибудь трудность и мы о ней говорим, то, что от нас слышат, обычно лежит на поверхности. А покопайтесь немного в том, о чем вы говорите, и увидите настоящую причину. И поразитесь: то, что на самом деле вас занимает, не имеет никакого отношения к тому, что вы сказали.

Была одна дама, постоянно говорившая мне:

– Отче, ты не даешь мне времени исповедаться, а я хочу.

Спрашиваю ее:

– Хорошо. Что у тебя? Ты же совсем недавно исповедовалась.

– Я хочу часто видеть вас.

Я сказал ей:

– Ну, я вижу, у тебя ничего страшного нет и то, чего ты сейчас хочешь, – это не исповедь.

Она, однако, настаивала:

– Нет, я должна исповедаться, у меня проблемы.

Я сказал себе: «Что ж, не буду говорить вообще, буду молчать, потому что, если спрошу ее о детях, разговора не остановить...» И просто хотел дать ей высказать то, что она хочет исповедать. Спросил ее, что ее занимает и терзает.

– Батюшка, ну посмотрите, дочка у меня то-то и то-то, сын то-то и то-то, соседи...

Я попросил ее:

– А ты исповедуйся за себя.

Она повернулась и сказала:

– Да я не то что хочу исповедаться, я скорее хочу видеть вас, чувствовать, что вы меня любите.

Ну, так и скажи это, признайся, что ты говоришь одно, а скрываешь в себе другое. И это тоже неплохо, но способ, каким ты хочешь этого добиться, создает напряжение и недоразумение.

Мы четко не говорим, что нас реально волнует и занимает. Так бывает во многих духовных вопросах. Вот пишут мне в фэйсбуке многие протестанты: «Я еретик, но хочу вас послушать». А когда начинаю интересоваться его жизнью, то прихожу к тому, что ему просто недостает немного любви: «Может ли дать мне ее кто-нибудь? Где я найду ее, туда и пойду! Если ты дашь мне ее, то приду к тебе».

То, что мы говорим, – это не наша главная, первостепенная проблема, а нечто другое, главное же то, чего мы не можем в себе принять или признать.

Иуда сказал о мирре, которым помазали Господа:

– К чему все эти расходы?

Ах, Иуда, ну какой же ты хороший – тебя беспокоят расходы!

Господь вежливо, чтобы не унизить его и публично не ранить, приоткрыл его окошко, чтобы посмотреть, что прячется в его душе. И сказал ему:

– Иуда, не беспокойся! Бедные будут всегда, вы и потом будете подавать им милостыню. А Я скоро умру. Эти расходы – на Мое погребение (см. Ин. 12, 3–8).

Господь знал, что за этой «любовью к бедным» скрывалось сребролюбие.

То же самое делаем и мы. Говорим о чужих вопросах и семьях из любопытства и интереса, когда внутри нас гложет собственная проблема. И так наша жизнь становится ложной и искусственной. И достигаем мы 80–90-летнего возраста, так и не поняв самих себя. Не поняв, что происходит внутри нас.

Мы превращаемся в витрину духовности без сущности, глубины и содержания. Мы подобны красивой витрине магазина, в котором, если зайти с заднего крыльца на склад, увидишь грязь, груды картонной тары и мусор. А витрина совершенна.

Если покопаетесь в себе, то увидите такое... Копаться же надо не для того, чтобы ужасаться, а чтобы помочь себе, примириться с собой, полюбить себя. Но для этого надо посмотреть на себя по правде: что нам мешает и где мы ошибаемся? Почему ты женился на этой женщине (ты вышла замуж за этого мужчину)? Почему стал священником? Почему ты не женился? Почему у тебя эта, а не другая профессия? Почему ты ненавидишь одного, а другого любишь? Если исследуешь эти вопросы, то увидишь такое, от чего придешь в удивление и откроешь для себя многие истины.

Один священник сказал мне:

– Я стал священником, чтобы проповедовать слово Божие. Но спустя годы понял, что сначала был по жизни никем, а когда стал священником, то с этого самого дня все стали целовать мне руки. Знаешь, как это высоко: чтобы тебе целовали руки, кланялись, называли тебя «отче»! Как это замечательно, чтобы все считали тебя отцом! И я понял, что за всем этим скрывается жажда власти, силы, желание указывать людям, что им делать, – всё это весьма льстит. Я чувствую себя очень высоко и в душе ощущаю это как проблему, хотя никто из людей

об этом не знает. А перед Богом я чувствую, что нечист и что истинные побуждения мои были другими.

Вот что значит проникнуть вглубь себя, чего, мчась по жизни, как на гонках, мы никогда не делаем. Но когда сделаешь это, происходит нечто замечательное. Сначала ты бываешь ошеломлен, приходишь в замешательство, но потом всё вычищаешь и говоришь: «Моя жизнь должна быть подлинной и непритворной. Я должен быть настоящим. А не как говорят о некоторых: “Этот человек – одна лишь видимость”. Не строить из себя нечто...»

Как-то я спросил одну ученицу, которая сильно плакала:

– Почему ты так плачешь?

– Я страдаю дома, отче!

– Но почему, разве твои родители не в Церкви?

– Да я от этого и страдаю, что они в Церкви! Моя мама в Церкви, но напрягает нас ужасно.

Эта женщина, ее мать, забыла, что то, чего хочет от нее Бог, – это не чрезмерная активность, прикрывающая беспорядок в душе. Душа и является целью. А она утратила связь с сущностью своей души, с подлинностью своего этоса⁸, своего нрава. Как говорится, «с внешностью аввы, а нравом аги»⁹. Образ духовности – и этос насилия, власти над другими и смерти. Ты появился в этом мире не для того, чтобы напрягать других. Проявляй же уважение ко всем. А впрочем, делай что хочешь, ты свободен.

Некоторые спрашивают меня: «Но как же так – делай что хочешь?» А что мне еще сказать другому? Чтобы он не делал того, что хочет? Разве они сами не знают, как будет правильно? Как говорит мать Гавриила: «Ну что, они не видят, что я в рясе? Разве это ни о чем им не говорит?» Вы видели священника с бородой, в рясе и камилавке? Что он еще должен вам сказать? Я что, должен поднять палец вверх и начать ругаться с ними? А чего добились те, кто ругался? Если ты считаешь, что можно чего-нибудь добиться обличением и ссорами, делай это.

Помните историю про старца Порфирия и человека, исповедовавшегося у него, который не признался, что у него есть любовница? Старец не стал ругать его, а только сказал, чтобы они с ней не ходили по городу, а встречались где-нибудь в другом месте, чтобы его ребенок не увидел их. И так привел человека к покаянию. Не прилагая никакого красноречия, старец показал ему его язву, не прикрывая ничего словами, – и просто сразил его. Он сказал:

– Ты хоть прояви уважение к своему ребенку, чтобы он не увидел тебя с любовницей.

И этот человек изменил свою жизнь. А я бы никогда не дал такого совета – и правильно сделал бы, потому что, чтобы так поступить, надо иметь особое просветление и вдохновение от Бога.

Скажу вам и другое: тогда старец был еще просто отцом Порфирием, и многие возводили на него всякие обвинения. Святые, пока живы, берут на себя какой-то риск, а люди говорят: «Ну что это такое? Да он же в прелести». А когда пройдут годы, эти же люди говорят, что они святые. Но пока они живы, мы их буквально вгоняем в гроб, а когда скончаются, величаем.

Жизни не бывает без риска. И нам надо иметь рассудительность: знать, когда мы будем говорить, и не забывать, когда говорить не надо. Это получится у нас с течением времени, но мы сделаем много ошибок, пока научимся этому. У нас будут провалы, недоразумения, всё что угодно. И лишь став 50-, 60-, 70-летними, мы сможем делать некоторые вещи более правильно.

⁸ *Этос* – совокупность этических принципов человека.

⁹ *Ага* – турецкий господин во времена османского ига.

Отче, я хочу создать семью!

Великое дело – положиться на Бога и молиться. Вот приходит кто-нибудь и говорит:
– Я хочу создать семью, но не знаю, как это сделать, где найти подходящего человека, –
и т. д.

Некоторые из вас писали мне о подобных проблемах, проблемах с вашими детьми, о себе самих – что годы проходят, а вы еще не женаты и т. д. Да, годы и время проходят, но знаем ли мы, что значат слова *время проходит*? Богу известно время, время – оно такое, каким хочет Бог, время – хорошее!

– Но, – говоришь ты, – мне уже 35 лет!

Ну, а может, Бог хочет, чтобы ты создал семью в 38 лет?

– Но мне уже за 40!

Ну, а может, Бог хочет, чтобы ты создал семью позже, или, может, у Него другой план на твой счет, который тем не менее великолепен. Мне он неизвестен, чтобы я мог тебе его открыть.

А сказать тебе что-то простое? Ты помоли Бога, чтобы Он открыл его тебе. Чтобы просветил тебя, помолись!

Однажды один такой человек пришел ко мне и сказал:

– Я хочу создать семью. Что мне делать, помогите!

– Да какой я в этом помощник? Что ты имеешь в виду?

– Чтобы вы сказали мне, как поступить...

Нет, ты, пожалуйста, не делай ничего, ты сначала успокойся. У тебя стресс, а когда у тебя стресс, ты не можешь создать здоровую семью, потому что в состоянии стресса тебя охватят паника и неуверенность, и даже если ты найдешь нужного человека, этот стресс и страх опять дадут о себе знать: «А захочет ли она меня? А сложатся ли у нас отношения? Не разойдемся ли мы? Не бросит ли она меня, как было в прошлый раз? Не отвергнет ли меня? А вдруг я ей не нравлюсь?»

Это стресс, дитя мое. Ты не можешь создать здоровой семьи, если будешь начинать с такого стресса. Да о чем мы вообще говорим столько времени? Доверься Богу! Люби Бога! Поверь в Бога!

– Я люблю Его, – говорит, – но...

Хорошо, но если бы ты любил Его, разве ты был бы в такой панике? Ты любишь Бога и паникуешь? Вот если я возьму твою руку и сожму ее, ты почувствуешь тепло и скажешь: «Ах, я чувствую уверенность, спокойствие, меня кто-то держит за руку!» Так, значит, люди прикасаются к тебе, и ты успокаиваешься, а Бог прикасается к тебе – и где же твое спокойствие? Где? Поэтому давай сначала успокоимся.

А знаешь, почему тебе надо успокоиться? Чтобы ты ясно увидел, что стресса внутри тебя не стало, чтобы исчезла паника, наступил мир, потому что по этим вопросам – знакомству и созданию семьи – Божья воля ясно отражается в спокойных и умиротворенных душах. Твоя душа должна быть тихой, спокойной, чтобы в ней отразилась Божья воля. Если тебя охватит паника и смятение, Божья воля не сможет отразиться. Ты делаешь лихорадочные движения, искажаешь свой образ и создашь ложное представление о себе в глазах того, с кем познакомишься, потому что из тебя исходят тревога и неуверенность.

Прежде всего, предоставь всё Богу. Кто-то сказал одну замечательную вещь, а именно, что эти вопросы решаются знаешь когда? Когда перестанут тебя занимать. Мне это очень

нравится. Когда ты перестанешь испытывать стресс из-за чего-нибудь, тогда оно и устроится. А если испытываешь стресс, оно не может устроиться. Стресс не помогает, а, напротив, создает очень неприятный и тяжелый климат для улаживания наших проблем. Успокойся, забудь о проблеме! Живи своей жизнью!

– Но, – говорит он, – жизнь не имеет для меня смысла!

Ну что ты говоришь? В твоей жизни нет смысла? То есть в твоей жизни нет смысла из-за того, что ты не создал семью? Да разве это серьезные слова? Вот первый урок, который ты сначала должен усвоить, прежде чем создать семью, – это то, что жизнь прекрасна не из-за семьи, а из-за того, что существует Христос. Наш возлюбленный Христос столь богат дарами, что дарит нам и семью; но даже если бы ты и не создал семью, жизнь в Нем прекрасна.

Мы уязвляем Бога, обижаем Бога и совершаем грех, говоря: «Если я не создам семью, жизнь моя не удалась и утратила всякий смысл!» Это неправильно.

Во-первых, жизнь прекрасна, потому что существует Господь, существует наш Христос.

Один человек как-то пошел к старцу Паисию и сказал:

– Отче, я в затруднении, мне плохо!

– Отчего же, деточка моя?

– Мне 40 лет, а я еще не женился!

– Ну, не огорчайся! – сказал старец Паисий. – Вот мне уже 70, а я еще тоже не женился!

Он говорил это и смеялся. То есть не смотри на это так. Вопрос не в возрасте и не в том, что пришел твой черед и сейчас что-то должно произойти, а в том, чтобы стараться наладить свой внутренний мир.

Об этом случае я слышал от Лимассольского митрополита Афанасия в одной из его бесед; не знаю, сам ли он это слышал, он же был лично знаком со старцем Паисием.

Хорошее дело – примириться с Богом, потому что так уладится и твой вопрос.

– Но вы скажите мне, чтобы я сделал что-нибудь практическое! Чтобы ходил, смотрел, действовал!

Смотри, я тебе не запрещаю, я не сказал, чтобы ты заперся у себя в доме и ждал, чтобы всё само собой решилось, или чтобы дар свалился с небес, дар семьи, и человек твоей жизни сошел с небес. И это может случиться. Если у тебя имеются такая святость и дерзновение, тогда и это будет. Отец Епифаний (Феодоропулос) говорит: «Если бы у нас было столько живой веры в Христа, настоящей живой веры и любви, то мы говорили бы: “Господи, я пойду исповедуюсь, а потом причащусь, помолюсь, выйду из дома, и первый человек, которого я встречу, и станет тем, с кем я создам семью!”»

Сказать тебе что-то? Не делай этого, не делай, потому что ты можешь разочароваться и разочаровать других. Я имею в виду – *ты* этого не делай, но если какой-нибудь святой человек это сделает, он достигнет успеха. А знаешь почему? Потому что если бы Христос видел, что твое сердце всецело отдано Ему, что ты доверил Ему всё, знаешь, что сказал бы Господь? «Это Мое создание живет для Меня, живет Мною и ждет от Меня всего. Он всё доверил Мне. Вот, сейчас он выходит, чтобы встретить человека своей жизни. Не буду же Я разочаровывать его, потому что, если разочарую, вера в нем поколеблется, и он скажет: “Где же мой Бог? Господи, Ты что, не существуешь?”»

Это мое послушание Христу. Святой Иоанн Лествичник называет послушание спящим хождением. Иными словами – «Господи, я вверяю себя Тебе и иду по пути этой жизни с закрытыми глазами, я сплю и иду. Я иду, т. е. действую, активен, но в то же время сплю, т. е. затихаю, сплю спокойно, я хожу и сплю».

Это очень любопытно, это означает, что я вверяю себя Богу. Если ты сделаешь это и ощутишь это как внутреннее доверие, тогда исключено, чтобы Господь сразу же не решил твою проблему.

Бог потому медлит, что через опасности, поиски, ошибки, провалы, терзания, отвержения, которые мы терпим или доставляем, хочет научить нас другим урокам, прежде чем мы заключим брак. Урокам жизни, смирения, терпения, веры. В противном случае как ты выступишь по жизни? Ты станешь никудышным отцом, скороспелой матерью, если будешь действовать так поспешно. У тебя стресс, ты будешь нести в себе этот стресс, и зачем ты берешься создавать семью – чтобы вводить в стресс и других?

Есть дети, которые говорят родителям, когда они ссорятся:

– Да вы что, в темноте познакомились, что ли? В темноте женились?

Как некоторые говорят: «Тебе что, в темноте давали диплом, что ли?»

Ну, это неправильно. А почему дети говорят это? Почему? Потому что понимают, что тут что-то не сходится, что-то идет не так, и видят это – видят сплошные нервы, ропот, ссоры, споры, гнев, капризы и прихоти. Ну что это за брак? Что за отношения? И куда они только смотрят, когда знакомятся?

Мне понравилось, как сказал один мой приятель:

– Отче, я не буду притворяться хорошим. Как только познакомлюсь с девушкой, на второй же, на третьей встрече расскажу ей о своих слабостях, скажу, что у меня имеется эгоизм, что я нервничаю, могу разразиться гневом.

– Да ладно тебе, дитя мое, уймись! – сказал я ему.

– Нет, я хочу сказать, что я не собираюсь обманывать другого человека. Я хочу сказать ей правду, что буду работать над собой, постараюсь исправиться, но строить из себя кого-то, кем я не являюсь, не буду.

Ну что же, как дух, как этос, как образ мыслей – мне это нравится:

– Конечно, это может выглядеть как ненадежность с моей стороны, но я по меньшей мере хочу показать ей, что я ее не разыгрываю. Не стараюсь внушить ей того, чего нет. Я хочу сказать ей, какой я на самом деле. На мне нет маски лицемерия, чтобы я строил из себя какую-то важную птицу, что-то скрывал, нет, я простодушный, настоящий, открытый человек, я доверяюсь Богу и Божиим людям. Да, я рискую, но тем не менее говорю это. Я выскажу ей всё, и когда открою ей свои ошибки и немощи, то смирюсь, и она будет тронута этим и полюбит меня еще больше, потому что я не строю из себя нечто, а говорю ей, какой я есть реально.

Так мы полагаем в нашей жизни благое, смиренное, подлинное, приземленное начало, и Христос служит нам Первообразом. Но все-таки было бы хорошо, чтобы, когда человек собирается создать семью, у него был какой-то предел, потому что некоторые люди во имя искренности начинают рассказывать о своей жизни всё, и результат бывает такой, что другой уязвляется этим, разочаровывается и приходит в ужас. Вы уточните это с духовником.

Есть некоторые вещи, которые мы скрываем не из лукавства и злобы, а от деликатности и рассудительности. Понимаете? Другого ведь это может ранить. Не надо все время долбить по ошибкам, бывшим в прошлом и уже исповеданным.

– А что мне тогда делать? – спросил меня этот человек.

Я сказал ему то же, что и вначале:

– Помолись! Будет хорошо, чтобы ты помолился. Прежде всего, он идет, ты это понял?

– Кто идет?

– Твой человек! Ты слышишь его шаги? А ну прислушайся! Ты слышишь шаги?

– Да что ты говоришь, отче? Какие шаги?

– Я говорю тебе! Если тебе за 20, то твой человек, тот, с которым ты хочешь создать семью, с которым Бог угодовал, чтобы вы в какой-то момент встретились, – ты слушай, что я говорю! – он уже существует, он где-то есть.

Ты спрашиваешь:

– А зачем ты мне это говоришь?

Я говорю для того, чтобы ты почувствовал это благоговение, умиление и радость. Молю Бога, чтобы ваши пути пересеклись, чтобы вы встретились. Ты и она, существующая где-то. И ты тоже говори в своей молитве: «Господи, мы, наверно, идем параллельными путями, а может, мы где-то рядом. Человек, которого Ты в Своем премудром, преблагом и исполненном любви плане приготовил для меня, где-то есть. Господи, эту девушку, которую Ты мне приготовил и которая где-то есть, береги ее! Храни ее, приготовь для меня, к этой встрече, подай ей дары Духа Твоего Святого, даруй ей Свое благословение, любовь, покрой от всякого искушения, испытания, телесной и душевной опасности».

Теперь ты знаешь, что делать? Молись о ней, незнакомой, неизвестной Х, которая, однако, Господу известна. С другой стороны, существует известный Х – это наш Христос... И это вопрос дней, месяцев, лет, чтобы Господь привел этого человека на твой путь.

Ты только подумай: ты говоришь Христу, а Христос в этот момент уже знает имя девушки, на которой ты женишься! Он его знает, и в день свадьбы все его торжественно услышат:

– Венчается раб Божий Николай рабе Божией Елене!

Эту Елену, о которой мы тогда услышим, Бог уже сейчас знает. И ты говори: «Господи мой, я не знаю, кто она, не знаю, как произойдет эта встреча, не знаю, что делать, – ведь это всё не человеческое, это тайны». Как говорится в чинопоследовании венчания, Бог совершает это сочетание и союз между мужем и женой, эту встречу. Как же два незнакомых человека, не знавшие друг друга, вдруг соединяются, узнают друг друга и так сильно привязываются, становятся такими близкими, так крепко любят друг друга и делятся между собой всем? И вместе живут, пока не умрут. Это что-то удивительное, это чудо. Разве вас это не поражает?

У меня нет семьи и никогда не будет, однако я испытываю благоговение перед этим, как и ты испытываешь благоговение перед тем, когда человек становится монахом и посвящает себя Богу. То есть всё это – брак (и монашество, и мирской брак).

И еще кое-что. Кто-то сказал мне: «Так когда же мы услышим: “Исаия, ликуй”?» То есть когда я женюсь? Ну, как же ты не услышишь этого? И он это услышал – на рукоположении в диакона и священника поется это песнопение. Ты это услышишь только раз, когда женишься, а священник это слышит дважды: *«Исаие, ликуй, Дева име во чреве и роди Сына Еммануила, Бога же и Человека, Восток имя Ему, Егоже величающе, Деву ублажаем»*.

Взгляни же с благоговением на это событие, которое грядет. Если ты так согласишься на брак, пока он еще не состоялся – а для Бога он всё равно что состоялся, – то Бог конечно же поможет тебе. Я это имею в виду.

Ну, тогда, брат мой и все беспокоящиеся за своих детей в связи с этими вопросами, тогда вы будете действовать иначе, если будете смотреть на это как на таинство. Таинства связаны с Богом, а не с твоим интеллектом, способностями, педагогическим мастерством, искусством и техникой, твоими трюками, книгами, в которых ты вычитываешь, как над собой работать, как себя вести, как коммуницировать с людьми, – ничего из всего этого, но это тайна, и она переживается в Церкви, близ Бога.

К сожалению, сегодня большинство молодых людей переживает эти прекрасные вещи вне Бога. Это наша драма, драма современных людей: семьи разрушаются, не успев еще что-нибудь создать вместе.

Так что же нам тогда делать? Если семья не функционирует как следует, тогда ничего хорошего не выйдет. Большая семья, с проблемными и издерганными детьми, которые на всё реагируют, сопротивляются, ломают, крушат, бунтуют, им ничего в этой жизни не нравится, и они жгут автомобили.

Кто-то сказал мне: «И хорошо делают!» Я ответил про себя: «Ну да, конечно же хорошо делают!» Что я имею в виду? А что им еще делать? Что еще, когда родители, отношения между ними, их переживания, любовь, ребенок, беременность не были запечатаны Божией благода-

тью, и всё это у них происходило, как у животных в природе? Но только разница в том, что милые животные благословлены Богом, потому что следуют своим инстинктам, какими их создал Бог. А ты? Ты, человек? Ты что, тоже будешь делать что хочешь, что тебе вздумается, что тебе нравится? Нет, не будешь. Вода, которую ты пьешь из крана, не освящена. И ты отдашь ее священнику, он ее благословит, и так она станет святой водой. Это и есть святая вода – вода, благословленная рукой священника, рукой недостойного священника, но только за его рукой Господь невидимо простирает Свою руку и благословляет воду.

Только в Церкви хлеб и вино становятся Телом и Кровью Христовыми, а дома они просто хлеб и вино, хлеб, который плесневеет, и ты его бросаешь голубям или закапываешь в огороде. А в Церкви хлеб и вино переживаются как Таинство, они предлагаются в Тело и Кровь Христовы. Поэтому любая биологическая и психическая функция человека нуждается именно в этом – быть запечатанной Христом, быть насажденной в Церкви, где она освятится и станет благодатной.

Конечно, здесь мы говорим о твоих личных отношениях, о самых священных событиях твоей жизни, самых важных, т. е. о твоей профессии, обучении и браке. Это очень важные вопросы жизни, поэтому ты решаешь их в зрелом возрасте. Но только ты хочешь решить эти, такие важные, вопросы сам и говоришь:

– Я сам всё обмозгую, сам решу! Я так думаю, я так считаю, я так решил!

Но только, к сожалению, наши критерии чисто мирские, человеческие, биологические, психологические, эмоциональные, они вообще не Божественны. Они вообще не Божественны, дитя мое! Мало кому хватает сил поставить предел своим инстинктам и страстям и сказать не «что мне нравится», «что мне подходит», а «Господи, я так думаю, но Ты, Господи, как Ты смотришь на это? Потому что я могу быть ослеплен». Ведь когда эмоции и любовь не заквашены на любви Христовой, они просто человеческие, слепые, ослепленные, и ты из-за них не видишь ясно.

Да, этот порыв и вождление необходимы, чтобы положить начало, но нужен и разум, чтобы посмотреть на некоторые вещи логически. А где это может произойти? В Церкви. А как ты иначе получишь просветление? Сам? Не молясь, не исповедуясь, не причащаясь? Поэтому я и дал одному человеку практический совет:

– Читай каждый день акафист Пресвятой Богородице. Ты делаешь это?

– Да я не успеваю, я не думаю, чтобы у меня хватило на это времени.

– Хорошо, если у тебя нет времени, то не делай этого. А если у тебя нет времени делать это, то я так понимаю, что тебя не очень-то и мучает твоя проблема.

– Как же не мучает, отче? Я же хочу найти ее и создать семью!

Но если бы она тебя мучила, ты не хотел бы пускать это на авось. Надо, чтобы и ты немного напрягся. Израильтяне прошли Чермное море посуху, потому что это было чудо. А тебе надо немного попотеть, что-нибудь сделать, привнести. Как? Своей молитвой, в которой ты покажешь свое сильное желание. Ты покажешь его в молитве к Пресвятой Богородице, к Господу нашему и скажешь: «Пресвятая Богородице, даруй мне любовь Сына Твоего и пошли человека, который бы меня любил и которого бы я любил, чтобы мы прожили вместе остаток жизни и всей семьей любили Господа Бога, Твоего Сына». И Пресвятая Богородица тебе его дарует.

Ты говоришь:

– Ну неужели я должен делать это каждый день?

Э, да ты несерьезный, ты не смотришь всерьез на духовную жизнь, и тебя не мучает то, чего ты ищешь, потому что если бы мучило, то ты не то что раз в день, ты постоянно читал бы акафист.

Ты говоришь:

– Вот если бы я точно знал, что это будет, тогда делал бы это!

Ну вот, видишь? В этом и кроется твоя большая проблема. Ты признал это? Сейчас ты заглянул в самый корень проблемы – ты не веришь. Мы не верим в силу Бога, силу молитвы, в Господа, потому и не молимся, потому и не надеемся на молитву. Скажу вам и другое: Господь поэтому и не вслушивается в эти неверные, холодные, формальные молитвы. А что Он говорит? «Оставь его, оставь его еще немного, пусть “пропечется”, пусть воззовет из сердца».

Господь тебя не мучает, Он хочет, чтобы ты созрел. Созреть же означает, чтобы ты начал серьезно смотреть на свои отношения с Богом, с людьми, чтобы ты понял, что эти важные вопросы не решаются вне Церкви. Потому что, к сожалению, после развода все бегут в Церковь. Когда твои дети собьются с пути, ты говоришь:

– Отче, спаси моего ребенка!

А когда дома что-нибудь стрясется:

– Отче, возьмите эти имена, поминайте их! Наша семья рушится!

Но почему? Неужели мы всё время будем собирать осколки? Свет Христов существует не для того, чтобы освещать одни осколки, но и целые бриллианты, сияющие райским светом и Божией красотой. Церковь существует не только для неудавшихся, истерзанных, страдающих супругов.

Те из вас, кто прошел через опасности, – вы молодцы, что тянетесь к Церкви, что нашли путь, пусть и через боль и страдание. Bravo! Вы заслуживаете похвалы. А кто еще стоит в начале – пусть ошибки и неудачи других заставят вас задуматься.

Правда в том, что невозможно без Христа пережить эти события и вскоре не почувствовать смрада тления, смерти и распада. Это трудно, думаю, это невозможно, чтобы связь между людьми крепла, когда нет Христа, – если только она не держится на деньгах, расчете и т. д. Но когда поднимется буря в отношениях между людьми, кто тогда не воскликнет: «Господи мой, спаси меня!»

Кто любит Христа без принуждения, из благодарности, из любви, потому что так настроено их сердце, достойны восхищения. Блаженны и те, кто в водовороте проблем – хотя бы тогда – обращаются к Богу и находят свой путь.

Молю Бога, чтобы и все вы нашли этот путь и встретили на нем человека своей жизни и чтобы шли с ним рука об руку, а не так, чтобы один тянул сюда, а другой туда, но чтобы вы оба тянулись к Востоку, т. е. – ко Христу! Молю Бога всегда, чтобы вы переживали чудеса в своей жизни, как такие, о которых мы говорили, так и самое великое чудо – ощущение Божия присутствия и любви в нашем сердце и нашей жизни!

Если бы мы были Божиими

Не надо забывать, что вкус Бога в наших устах и в нашей душе должен меняться со временем. Конечно, Бог, в Которого мы веруем, остается Одним и Тем же, но хорошо было бы, чтобы способ, которым мы веруем, менялся с течением времени. Святой Порфирий говорит, что, когда был молодым, Бог казался ему очень строгим: «Я смотрел на Бога как на очень строгого и судил людей очень строго, потому что думал, что Бог такой. Когда ко мне приходили что-нибудь исповедать, я открывал Кормчую книгу, начинал подсчитывать дни, месяцы, годы и в итоге выводил сумму: “Ты причастишься через столько-то лет, а ты – через столько-то”, – и так далее».

Но когда человек по-настоящему почувствует Бога любви, Бога Живого, Который есть снисхождение и милосердие, любовь и истина, гибкость и доброта ко всякому человеку, тогда он начинает называть вещи другими именами. События, поведение остаются такими же, как и были, но ты на них уже не реагируешь, потому что понимаешь, что Бог смотрит на это иначе.

Некоторые из нас начали ходить в церковь, еще будучи детьми, и восприняли кое-что односторонне – мы заключаем Бога в четкие категории: «Он то-то, то-то и то-то. И ничего больше. А если я увижу, что ты не вписываешься в категорию, которую я создал в своей голове, тебя необходимо отвергнуть». Но вот приходит Христос, практика жизни, и показывает нам, что дела обстоят совсем не так.

И это всё не ново. Книжники и фарисеи тоже многое думали о Боге, но Христос сказал им:

– Всё, что вы думаете, – это ошибка. Способ, каким вы подходите к Богу и оцениваете Его, ошибочен, Бог не такой. Поэтому Я и обращаюсь к людям, отличным от вас, имеющим другой взгляд и другой настрой души. Обращаюсь к ним, совершая чудеса, с любовью и милосердием, в то время как вы их осуждаете.

В сущности, они Его распяли еще и потому, что Он изменил в них идола, бывшего им вместо Бога, и показал Бога доступного, Который есть Бого-Человек, такой Бог, Который не находится где-то высоко, а понимает нас и сострадает, опускается до нашего уровня, кроме греха, и становится близок нам.

Когда ты поймешь это в своей душе, попробуй ответить на один вопрос: «Когда мне было 15, 20, 30 и т. д. лет, верил ли я одинаково, был ли у меня один и тот же ум?» И не случайно иногда говорят: «Мама, какой была всю жизнь, такой и осталась», а не говорят, как о святом Порфирии: «Сначала мы знали его строгим, но он духовно преуспел, возрос и по жизни, и в вере, в духовной рассудительности».

Этот человек изменился. Сначала был строгим, а потом стал снисходительным. А многие этого боятся. Говорят мне:

– Давай не будем принижать всё до самой земли! Не будем говорить об этом.

Но ты, когда станешь милосердным и снисходительным, пойми другого: почему он курит, ругается матом, принимает наркотики, почему не ходит в церковь. Я это и пытаюсь сделать на своем малом опыте – объяснить человеку, почему он это делает. Не что он делает, а почему он это делает.

Один юноша не ходил в церковь. Я попробовал поговорить с ним именно на этом уровне – на уровне «почему». Спрашиваю его:

– Почему ты не приходишь? Не хочешь сказать мне?

Он спросил меня:

– А ты меня не заругаешь?

– Нет, не заругаю, просто я хочу, чтобы мы с тобой поговорили и я понял, что там тебе не нравится.

Он мне ответил:

– По правде сказать, отче, у меня со священниками ассоциируется только одно – слово «нет». Захотел купить себе мотоцикл – «нет», пойти на стадион – «нет», завести девушку – «нет», сходить в кафе – «нет», на концерт – «нет».

Этот парень не был плохим, он просто испытывал передо мной страх. Так что же, разве не надо было так подходить к нему? Разве это не православный дух – попробовать смиренно понять, *что* он испытывает? Стать ближе к душе ребенка? И увидеть, почему он это делает, почему боится и колеблется, глубоко в душе жаждет Бога, но не хочет иметь со мной дела?

Но поскольку мы так сильно отождествили себя с Богом и решили, что мы Его представители – и вы, матери и отцы, и мы, священники, – то уже думаем так: что бы мы ни сказали, Бог на нашей стороне. Но Бог говорит нам:

– Сейчас нет другого способа, поэтому Я использую тебя, а не потому, будто ты Мой представитель, тут нет никакой связи.

И действительно, разве наш нрав – это Божий нрав? Если бы мы были Божиими, настоящими, такими, каков Бог, мы приобрели бы людей, мы изменяли бы их жизнь! А сейчас они, завидев нас, переходят на другую сторону улицы, испытывая к нам внутреннее отторжение.

Итак, чем больше времени проходит, тем было бы лучше, чтобы вкус Бога в нас менялся. И ребенок тоже может быть прав. Образ мыслей у людей меняется. Иногда я пытаюсь перенести Бога в нашу эпоху и думаю: а как говорил бы Христос с этим ребенком? Что Он ему сказал бы? Сказал бы: «Во-первых, ты в среду и пятницу будешь есть чечевицу и больше ничего»? Стал бы касаться ран его одиночества, неудовлетворенности, тоски, того чувства, что он не нужен, ужасен, страдает комплексом неполноценности? Смотрел бы Бог на то, что лежит на поверхности? А может, ребенок действительно прав?

Подлинность, неподдельность скрывают внутри себя Божественность. Как-то я ходил в одно место для проведения беседы, после которой был обед, и тут вскочил священник и сказал:

– Я где-то читал, что некий священник считал очень духовным сидеть со своей женой на террасе, пить кофе и любоваться оттуда озером. Ну что это такое! Разве это духовно?!

В этот момент он как будто ударил меня кирпичом по голове. Я сказал себе: Пресвятая Богородице! Но, отче, это же Божественно, это же чрезвычайно хорошо! Достаточно вспомнить о Благовещении, которое произошло, когда Богородица делала совершенно обыденное дело, Ей явился Архангел Гавриил и сказал, что Она станет Матерью Божией...

Апостолы стали таковыми, когда ловили рыбу, перебирали свои сети, в момент совершенно прозаичный, безо всякой духовности. В этот момент они едва ли молились. Они работали. А вспомните Давида, который был с овцами, и Моисей – то же самое. Во многих простых житейских моментах сокрыто Божественное.

А мы забываем об этом. Наш дом становится оторванным от Церкви, как будто он нечто совсем другое. Только в воскресенье, идя в церковь, мы нажимаем кнопку – и становимся на час духовными людьми. А когда возвращаемся домой, нажимаем другую кнопку – переодеваемся, начинаем ссориться и возвращаемся в повседневность.

Если мы любим Бога, не переплетающегося с нашей жизнью и не движущегося посреди нас, тогда это не Бог, воспринявший всего человека. Потому что Христос преобразил всю мою жизнь, вместе со всей моей действительностью. Когда ты идешь, Бог в тебе, и когда ты со своим ребенком, и когда делаешь простые вещи тоже.

Ты не говоришь о Боге, как не говоришь о дыхании. Ты живешь в Нем. Вот мы с вами дышим, но, однако же, не говорим об этом и даже этого не чувствуем. А если другой почув-

ствует, что Бог, Которым ты живешь, переполняет тебя, украшает и оживотворяет, что твои клеточки живут, и дышат, и исполнены света, тогда он спросит тебя:

– Друг мой, скажи, в чем твой секрет? Я тоже хочу стать как ты.

А нам говорят обратное:

– Друг мой, оставь меня в покое! Ты меня утомляешь, ты меня достаешь, ты меня замучил.

Это уже не Божественно.

Я желаю вам, чтобы такое вот светлое послание исходило от вас.

Мы знаем очень сложные вещи, а простые утратили. Теряем и своих детей, потому что они простые, а мы сложные и запутанные люди.

Один человек как-то пошел к старцу Порфирию, но ушел от него разочарованным, потому что тот не сказал ему чего-то. Старец говорил ему:

– Прошу у тебя прощения, дитя мое, что не говорил тебе о Боге, но я говорю о Нем, только когда почувствую, что душа человека хочет Его и нуждается в Нем.

А однажды старец пошел куда-то и не сказал: «Христос воскрес», потому что человек не хотел этого слышать. По просвещению Божию старец сказал, что будет говорить когда, где и как надо. Давайте же будем все молиться о том, чтобы и нам иметь это просвещение от Бога и чтобы жизнь наша была красивой.

Игры ума

Жизнь – она за пределами слов. Жизнь намного жестче, прозрачней. Реальность бывает разной, но в ней часто встречается больше сладости. Потому что в отношениях с реальными людьми происходит большая игра: там ты сдаешь экзамены, видишь трудность своего характера, но и его красоту тоже, когда человеческие отношения тебе удаются.

Христос не просто говорил слова: Он общался с людьми, со Своими учениками, которые каждый день были с Ним и видели Его вкушающим, идущим, спящим, говорящим, гневающимся в храме, совершающим чудеса, проповедующим, воскрешающим, – как и Он многое пережил вместе со Своими учениками, видел их во всех их жизненных проявлениях: в страстях и ошибках, но и в хорошие минуты тоже, в их смиренные, но и эгоистичные минуты, ибо человек таков и есть – смесь величия и бессилия.

Нехорошо, чтобы человек давал тебе готовое решение, которого ты ищешь, ты должен сам взять на себя ответственность за свою жизнь, и решение это должно быть твоим, и чтобы ты ему радовался, в соработничестве с Богом, с Его помощью и с помощью людей, которые выскажут тебе свое мнение. Ты выслушаешь его, но того, что ты сделаешь, в конечном счете не скажет тебе никто другой: я не скажу, какую профессию тебе выбрать, но, к примеру, помолюсь за тебя. Того человека, за которого ты выйдешь замуж, или ту девушку, на которой женишься, не укажет тебе другой, тебе никто не скажет: *«Заключи вот этот брак, обязательно возьми вот эту женщину! Во что бы то ни стало!»* Потому что, если я скажу тебе это, ты потом, когда у тебя появятся какие-нибудь проблемы, скажешь мне:

– Это ты меня заставил, ты меня подтолкнул, ты на меня надавил!

В жизни имеет место эта красота, эта свобода, где ты сам, своей молитвой и чистым умом, можешь выбрать то, чего хочешь. Взять ответственность на себя, ступать собственными ногами, а иногда и преклонять их, опускаться на колени там, где ты есть, дома, и возносить свою молитву, молиться о просвещении от Бога.

Всё просто. Источник этих обильных даров, благоденствий и просвещения существует – это Бог, это святые, которые молятся о нас, Пресвятая Богородица, Мать Божия, ангелы. Помолись, взыщи их помощи, и она придет в твою жизнь. Ты просто будешь ждать и молить Бога, чтобы Он просветил тебя, чтобы очистил твой ум, чтобы вычистил его, умирил его, чтобы Он сокрушил его и воздвиг заново, чтобы Он разрушил то, что построено неладно, и соорудил это заново, по-новому, чтобы Он обновил его.

Ум – это зрительный орган души: когда он работает хорошо, вся душа движется правильно. Когда око тела видит хорошо, тогда и ноги идут нормально, око видит – тело идет. Но когда око помрачится и затуманится, тогда и тело не может настроиться как следует. Так происходит и с нашей душой: у нее есть один инструмент, с помощью которого она понимает мир, и это ум. Ум – это сила души, но когда мы рождаемся, другие нас растят и говорят нам разное, во что мы вследствие многократного повторения и начинаем в конце концов верить, усваиваем это и закрепляем в себе.

Некоторые из этих сказанных вещей верны, а другие – ошибка и ложь. Это – ложные ощущения, ложные представления и убеждения, нашедшие себе место в нашем уме, и мы в них поверили. Так мы поверили во многое: поверили, будто трудно добиться успеха, будто мы его не добьемся. Многие в это верят и говорят:

– У меня это не получится, я не смогу, я провалюсь! Мне кажется, я все время нахожусь в опасности!

И ты видишь, что то, во что они верят, – это не жизненная реальность, а способ, каким они смотрят на нее; ум заставляет их всегда смотреть на всё пессимистично. Почему? Потому что они так научились, так привыкли, а то, к чему привыкаешь, трудно изменить, трудно бросить, поскольку ты так научился.

– Отче, это исключено, чтобы я нашел работу! Я не смогу, я не добьюсь успеха, жизнь – тяжелая штука! Я провалюсь, я неудачник!

Ты находишь ему работу, а немного спустя у него опять начинаются тревожные мысли, он опять недоволен, и ум его смущается чем-то новым. Говоришь ему:

– Разве я не нашел тебе работу?

– Да, ты нашел мне работу, но там есть один коллега, который меня напрягает!

– Хорошо, я устрою тебя в другой офис.

Но там, однако, плохая зарплата, потом плохое еще что-нибудь. И ты спрашиваешь себя: а что происходит? В конце концов, может, проблема не вне, а где-нибудь в нас? В твоих мыслях, твоём сердце, твоих помыслах? Может, ты где-то не рассуждаешь правильно, потому что, посмотри, то, через что ты сейчас проходишь, через это ведь проходят и другие супруги (я привожу в пример людей, у которых имеется проблема на работе или между собой), но они же не делают того, что делаешь ты. А почему? Потому что они так научились.

Они научились поступать по-другому, когда были маленькими, они получили от родителей послания и уроки надежды, веры, оптимизма, отваги, доверия. То есть надо учиться полагаться на людей и на Бога, успокаиваться и расслабляться, утихать и говорить: «Я смогу! Бог знает Свое дело, всё будет хорошо! А почему оно, собственно, не должно быть хорошо?»

Но когда ты вырос без этого чувства, без этого воспитания ума, и кто-то постоянно ругал тебя, ты в детстве постоянно слышал слова:

– Ты не сможешь! Ты опять разобьешь тарелки! Ты опять испачкался! Опять заляпал тетрадку! Ты поступаешь плохо! Мама тебя не любит! Я не куплю тебе того, что ты хочешь! Отец накажет тебя! Он тебя заругает! Бог не любит детей, которые шалят! Бог не любит детей, которые разговаривают в классе! Бог не любит...

Ну что же, если Бог не любит, если отец накажет, если мать заругает... То один пугает ребенка, то другой его пугает... Эти вещи, если ты скажешь их раз или два, – это еще ладно, но если ребенок слышит это постоянно, десятки сотен раз, тогда что происходит? Они находят себе место в тебе, ты в конце концов начинаешь в это верить и думаешь, что жизнь действительно такова.

Другими словами, ты смотришь на всё в себе депрессивно, пессимистично, в черных тонах, однако не говоришь: «Знаешь, во мне есть что-то черное, и я на всё смотрю сквозь черные очки, всё для меня мрачно», а говоришь: «Ах, таков мир, таковы люди! Такова жизнь! Всё трудно! Это исключено, чтобы я достиг успеха! Я боюсь, я провалюсь! Я испытываю огромный страх и неуверенность в жизни, мне не на кого опереться! Мне некого полюбить, меня никто не любит. Я совершенно один». Так ум объясняет жизнь исключительно пессимистичным, мрачным и неприятным образом.

Ты видишь, что об одном и том же (не будем говорить о далеких от нас людях, а о живущих в одной и той же семье), сообразно тому, как у человека формировался ум, как он вырос, что читал, что слышал, в какой среде жил, даже церковной среде, какое церковное воспитание у него было, – сообразно этому он создает себе определенную картину мира. В одной и той же семье что-нибудь происходит, и один из детей смотрит на это оптимистично, а другого охватывает депрессия, третий занимается другими делами, и поэтому его вообще ничего не затрагивает. И думаешь: ну хорошо, но ведь все эти три ребенка – наши! Почему же каждый из них по-разному смотрит на вещи?

Потому что ум их объясняет вещи по-разному. Конечно, сказываются наследственность, гены, предрасположенность души, но огромную роль играет и способ, каким мы настроили свое мышление. Христос приходит, чтобы сделать именно это – сформировать наш ум по-другому, дать нам новый ум, новое мышление, новый способ воззрения на мир, чтобы ты видел реальность, однако смотрел на нее Его глазами и умом. Господь дает тебе возможность выстоять в жизни, даже когда другие рядом с тобой прогибаются, заболевают, мучаются. Христос говорит тебе:

– Хочешь думать по-Моему? Внешне вещи не изменятся. Наверняка и тебя постигнет какая-нибудь болезнь, безработица, трудности, неудачи, опасности. Это происходит во всем мире, такова жизнь. Таков мир сей, он перемешан с терзанием, но Я помогу тебе, чтобы ты по-другому смотрел на свое терзание, чтобы ты смотрел на него как на возможность, на училище, где ты учишься многому новому. Хочешь так смотреть на жизнь?

– Как?

– Оптимистично. Хочешь, чтобы Я очистил твой ум? Чтобы сделал его новым? Чтобы Я вычистил его, усовершенствовал и вернул тебе его обратно?

– И как же это будет происходить, Господи?

– Когда ты научишься думать так, как того желает Бог.

Когда ты научишься вкладывать в себя помыслы, которые не будут доводить тебя до болезни, а будут оживлять. Обнови свой ум! Обнови свое мышление! Как Господь заботится о птицах небесных, так Он позаботится и о тебе. *Взгляните на птиц небесных: они ни сеют, ни жнут, ни собирают в житницы; и Отец ваш Небесный питает их* (Мф. 6, 26).

Бог тебе поможет, найдется решение и для твоей проблемы, наверняка не сегодня, может, завтра или через несколько дней. Наступит момент, когда твоя проблема решится, но вопрос в том, чтобы ты верил, чтобы доверялся, чтобы говорил Христу такими словами, которые ободряют твою душу, которые тебя не погубят и не разрушат.

В псалмах св. пророк Давид говорит с такой верой: *Господи, Ты моя скала, опора, прибежище. Ты мой камень, терпение, сила. Господи, воды Твои утоляют мою жажду, при мысли*

о Тебе мне становится легко, стоит лишь подумать о Тебе, и я оживаю. Куда ни пойду, я ничего не боюсь, Господи. Даже в смерти Ты рядом со мной и даришь мне свет (Пс. 56, 8). Эти слова заставляют ум думать по-другому. Эти слова, эта вера формируют такое мышление и способ жизни, когда ты можешь смотреть на одни и те же вещи (безработицу, страдания), но говорить: «Нет! Я не буду смотреть так! Я не сойду с ума! Я не впаду в отчаяние! Буду уповать на Христа! Буду полагаться на Него и внесу в свою жизнь свет, как можно больше света».

Человек может довести себя до того, что заболит от собственных мыслей: реальность может быть другой, а ты будешь думать, что всё так, как кажется тебе. Ведь твой ум верит в это, и многие так говорят. Это твой больной ум виноват во всем. Ум, который думает, воображает себе, запутывается и сбивается с толку.

Мы молим Бога, чтобы Он дал нам светлые помыслы, чтобы у нас в уме горел огонь, как пламень свечи. Не будь же человеком, распространяющим вокруг себя мрак своими словами, мыслями, душевным состоянием, атмосферой, которую создаешь вокруг себя, проявлением своего характера и душевности, но чтобы, когда пойдешь куда-нибудь, ты излучал свет, чтобы ты говорил другому, а он бы радовался, смотрел оптимистично на вещи и говорил: «Мы сможем!»

Моление о чаше. Эль Греко. 1605 г.

Святые, видевшие Христа на молитве, видели Его в этом ощущении света, которое не может быть описано словами мира сего. Если этот свет войдет в твой ум и просветит тебя, он заставит тебя по-другому видеть жизнь и проблемы в ней. Будем же молить Христа, чтобы Он изменил нас и обновил. Потому что мы, кто в Церкви, непрестанно говорим: «Господи Иисусе Христе, помилуй мя!» А разве не достаточно одного раза? Достаточно и одного раза, и даже полраза, и ни одного раза – если сердце твое изречет это сильно, тогда не нужно, чтобы уста говорили это.

Однако вопрос в том, чтобы ум твой понимал эти слова. Ум, который верит в уйму всего и впадает в панику, смущается, запутывается, должен пропитаться такими мыслями: «**Господи Иисусе Христе, помилуй мя!**» Ты вдруг слышишь слово *помилуй*, а это значит: «*Яви мне любовь, милосердие, подай мне Твою благодать и благодать!*» Ты слышишь его и снова говоришь: «Господи Иисусе Христе, помилуй мя!» – т. е. «*Кто-то меня любит, я возлюблен Богом*». Бог тебя любит, а не как мама говорила тебе, когда ты был маленьким:

– А-а, ты плохо учился в школе, сегодня мама не любит своего сыночка! Ты не съел всю тарелку? Бог не любит тебя!

Нет, Бог любит тебя, что бы ты ни делал, каким бы ты ни был. Ты борешься, падаешь, встаешь, и Бог смотрит на тебя и говорит:

– Я люблю тебя! Независимо от того, что ты делаешь.

Ты молишься Иисусовой молитвой, однако снова забываешь ее смысл. Ум твой нуждается в перемене, он должен быть разрушен и воздвигнут заново, чтобы обновиться. Ум нуждается в покаянии, в другом измерении покаяния, где я не только плачу о своих грехах и ошибках, но и меняю образ моего мышления, смотрю по-другому на жизнь и на вещи.

Когда ты молишься Иисусовой молитвой (монахи повторяют ее по тысячу раз за день, по три тысячи, постоянно), в конце концов это тебя напоет, и ты понимаешь, что ты любим Богом и Он укрывает тебя Своими крыльями, что есть Кто-то заботящийся о тебе. Наконец ты

прикладываешь руку к сердцу и говоришь: «Сердце мое бьется нормально, оно успокоилось, паника прошла. Исчезло учащенное сердцебиение, от которого повышается кровяное давление, повышается сахар и которое сводило меня с ума, и я шел к врачу, а он меня спрашивал: “Но что произошло, о чем вы думаете? Почему вы так напряжены и отравляете свою душу и тело?”»

Ум отравляет тело, если постоянно вынашивает помыслы отчаяния и разочарования, подавленности, мол, «я не преуспею в жизни». Это отравляет тело. «Мой дух сникает, отвага улетучивается, я не могу подняться, всё сижу на диване и утопаю в собственных мыслях». Ты утонул в своем диване и всё думаешь, думаешь, думаешь таким вот помраченным умом. А почему бы тебе не отдернуть завесу, чтобы вошло немного света в твой дом и в твою душу? Бог внесет его через молитву.

Небесный якорь

Мы живем в эпоху великой неразберихи, смуты и хаоса. А также потрясающей духовной нищеты. Наша эпоха пророческая и эсхатологическая. Святые говорили, что наступит время, когда люди так запутаются и обезумеют, что назовут свет тьмой. И наоборот: тьму будут называть светом. Не станет разумения в людях, и буквально все обезумеют и, увидев нормального человека, будут говорить: «Посмотрите на этого сумасшедшего!»

Мы живем именно в эту эпоху. И нисколько не будет гордыней сказать, что мы, верующие, хоть мы и не какие-нибудь просвещенные или богозаренные, хоть мы и не духовно здоровые и безгрешные, однако идем к этому и хотя бы видели, откуда исходит свет истинный. Как когда-то в воскресной школе мы пели одну песню, в которой говорилось: «Свет, исшедший из Вифлеема, сиял и на Голгофе, и в Гробе Господнем, и в день Вознесения, и с тех пор Церковь пребывает с этим благодатным светом».

Это хорошо – осознавать, в какое время мы живем и в каких пространствах наш ум просветляется.

Наша эпоха открывает перед нами огромную мешанину тысяч ересей, парацерковных и религиозных образований, всяких оккультных движений. И все эти пути ведут к умерщвлению души. Наркотики – это не только то, что принимают юноши в виде инъекций или таблеток. Для души тоже существуют наркотики, которые превращают людей в существа, не ведающие, что с ними происходит.

Мы поистине живем в эпоху галлюцинаций. Возьмите пульт и включите телевизор. Попереключайте каналы и увидите, что всюду и без конца раздаются самые разные мнения, полный ералаш – из одного тебя окунают в другое, одна новость спешит за другой, за радостью идет скорбь. Жуткая картина сменяется какой-нибудь приятной и отвлекающей новостью. В результате ум человека дезориентируется. Это как если бы кто-нибудь начал тебя ласкать и вдруг вlepил бы пощечину. А потом опять принимается ласкать, и ты уже не понимаешь, что же такое происходит...

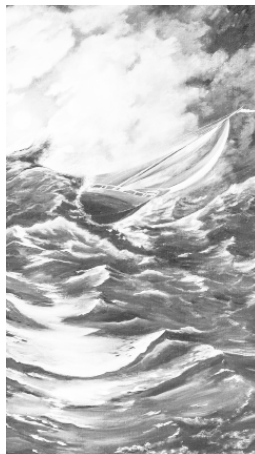
Наша эпоха очень противоречива. Пророчества о том, что когда-нибудь люди назовут свет тьмой и наоборот, относятся именно к настоящему времени. Но среди этого хаоса у нас есть якорь. Этот якорь – на небе, и в то время как обычные якоря идут на дно, наш поднимается к Божию престолу и прикрепляет нас. И мы уже знаем, на что нам опереться, к чему обратиться, чему верить и как смотреть на жизнь. Какими глазами смотреть на происходящее.

Представь себе, например, что ты едешь в машине или сидишь дома и слушаешь радио. Но только ли один ты его слышишь? Нет, и другие тоже – в своих машинах, магазинах и т. д. При имеющемся огромном множестве радиостанций ты выбираешь одну, церковную. И этот выбор свидетельствует, что твой ум движется в верном направлении. Ты знаешь, куда посмотреть и где найти.

То, что мы знаем направление, – это великое благодеяние Божие в нашей жизни. Хотя мы и грешны, но есть такое пространство с чистотой, которое нас возрождает. Хотя мы и плохие люди и дети, но у нас есть Отец. И наша радость не оттого, что мы хорошие дети, – нет, это было бы фарисейством, лицемерием. Нам радостно оттого, что у нас есть хороший Отец, а не оттого, что мы хорошие дети.

Посреди житейской бури, бушующей вокруг корабля, находящегося в большой опасности и готового вот-вот потонуть, все мечутся в панике, и только один ребенок играет на палубе. Ему говорят:

– Беги скорей, мы в большой опасности, волны вот-вот поглотят нас!

А он:

– Я не боюсь, мой отец – капитан этого корабля, и корабль наш побывал в разных штормах. Я не боюсь, потому что мой отец – опытный капитан.

Эта уверенность, это тепло, это ощущение того, что наша душа утешена близостью Бога, – величайшее благодеяние. Будем же прославлять и благодарить Бога за это!

Смотрю я в новостях, как два человека начинают анализировать какую-нибудь проблему. Говорят, говорят и ни к чему не приходят. А потом начинают ругаться. И это в каждом выпуске вечерних новостей! Не знаю, испытывали ли вы досаду от этого – ведь это повреждает и наш ум, и сердце, и нервную систему. Они сами больны и делают больными нас.

Хотя, впрочем, не знаю, болеют ли они в действительности за это, ведь они делают свою работу, показываются на экране, но только вряд ли страдают из-за того, о чем говорят. Доказательство тому – то, что они проводят свою аналитическую передачу, а потом их, эти же самые лица, показывают в других передачах, где они уже танцуют, веселятся и забавляются. Но ведь так нельзя: в 8 часов говорить о войне, описывать убийства, лужи крови, разрушения, а через пару часов выступать в другой передаче, развлекаться... Я хочу сказать, что эти события их не тронули. Потому что если бы да, то они не были бы такими веселыми.

Это противоречивость и раздвоение – когда два человека не могут договориться о чем-нибудь, а в довершение всего подключают и народ из другой студии, и положение еще больше обостряется... И в любом спорном вопросе, который возникает, дело обстоит именно так. Прийти к какому-нибудь концу невозможно. Ругаются, потому что каждому хочется поставить свое мнение выше других, показать себя и произвести впечатление на аудиторию.

И если можно одним словом охарактеризовать эту картину, то это колоссальный эгоизм, свойственный всем. Огромное высокомерие, мол, я знаю всё лучше другого. И отсюда происходят враждебность, ненависть друг к другу.

Утратили мы общую систему координат, нет у нас всеобщего ума, мнения, которое просветляло бы нас. Нет больше богоозаренного ума, который бы просвещал нас, и происходит то, о чем написано в Священном Писании: Бог предал нас извращенному уму (см. Рим. 1, 24). Уму, который не может проникнуть в суть и отличить добро от зла.

В уме сегодняшнего человека нет просветления, чтобы он мог выбрать для себя правильное. Поэтому большинство людей, как говорит святой Порфирий, – это запутанные души. Несчастливые и измученные по жизни люди! Они не знают, чего хотят, куда пойти. Но в то же время думают, что знают всё. Говорят категорическим тоном, а в действительности не знают ничего.

Если бы я мог, то хотел бы спросить у этих основных, центральных фигур, регулирующих и задающих тон в мировом масштабе (или в Греции, или на каком-нибудь телеканале), задать им один простой вопрос. Пусть они однажды покажутся на своем канале и дадут ответ на такой вопрос: какого человека вы хотите создать и сформировать? Опишите мне его или покажите на фотографии, не знаю как еще... Какой образец, какой идеал? Чтобы вы сказали: «Моя мечта – создать посредством моей политики такого-то и такого-то человека». Каким ты хочешь сформировать меня с помощью своего канала, своих передач?

Посмотри, например, о Церкви я могу сказать, как она смотрит на тот или иной вопрос. Когдаходишь в храм, она показывает тебе внутри иконы. Ты ставишь свечку, и твой ум тут же возносится к свету. Потом прикладываешься к иконе. Лобзаешь ее и говоришь, что сегодня праздник такого-то святого, лобзаешь иконы Господа и Богородицы... Смотришь на купол, всё благоухает ладаном. Церковь всем этим говорит и показывает, куда хочет тебя привести, каким хочет тебя формировать – как святого. Это эталон для Церкви – она хочет сделать тебя святым, Божиим человеком.

А ты, дорогая моя страна, ты, дорогое мое телевидение или журнал, изливающие на меня информацию отовсюду и постоянно и каждый день дающие мне пищу для ума в невероятном количестве и с невероятной частотой – с понедельника по воскресенье, – вы меня буквально бомбардируете ею. Вы куда меня ведете?

В церковь ты идешь, если хочешь, а телевидение коварно захватывает тебя в плен в твоём же собственном доме.

Кто-нибудь скажет: «Выключи телевизор, ты же сам выбираешь». Да, хорошо, я выбираю, но только я не выбираю мерзости и грязи. Я не включал телевизор с мыслью: как бы мне увидеть это. Но только там всё переплетено с образами, идеями, которые питают потом мою фантазию и воображение. Ты даешь мне пищу для размышлений, от тебя зависит, как я буду спать сегодня ночью. Ты куда-то закручиваешь мой ум.

Я покоряюсь и только спрашиваю тебя, чтобы понять и чтобы мы с тобой остались друзьями: скажи мне, куда ты меня хочешь завести, каким человеком хочешь сделать в конечном счете? Кто-нибудь может сказать мне это? Когда мы смотрим телевизор, читаем сообщения прессы, каков их идеал? Пусть кто-нибудь из них скажет.

Дорогие мои, я верю, что если мы задумаемся об этих вещах, то придем к очень тревожным выводам и результатам. Однако большинство людей избегает этих вопросов.

Святой Иоанн Лествичник называет это благоразумием¹⁰. Дьявол ничего так не боится, как благоразумия. Пусть же ум наш выложит всё на стол и проанализирует это, заглянет немного вглубь: а куда ведет то-то и то-то? Где закончится эта история?

Один ребенок долгое время не учил уроков, и я ему сказал:

– Посиди немного, чтобы я объяснил тебе, до чего доведет тебя эта история, которую ты затеял. Сейчас ноябрь – ты ничего не учишь, наступает декабрь – ты опять не учишь и радуешься. Но это потому, что ты еще не видел результатов. Сейчас тебе радостно, но ты не понимаешь, что у всего этого будут последствия и тебя ожидает нечто. Сейчас ты не учишь, и ничего в твоей жизни особо не изменилось: ты даже еще не понимаешь, что проблема существует. А я хочу, чтобы ты перенесся из ноября прямо в июнь. Скажешь: «А откуда мне знать, что будет в июне?» А я тебе напомню, что приближаются экзамены, и это расслабление, которое тебя охватило, эта твоя лень... в какой-то момент ты заплатишь за них, за свое бездействие. Не потому, что кто-нибудь стал тебе мстить, это будет твое собственное «я». Потому что сейчас ты оставляешь свой ум в праздности, не читаешь, а когда наступит время экзаменов, окажешься неготовым. У тебя будут низкие результаты, и тебя провалят.

Когда я сказал это, на его детском лице изобразились тоска, скорбь, и он ответил мне:

¹⁰ См. Иоанн, игумен Синайский, преподобный. Лествица. Слово 26.

– Пожалуйста, оставь меня в покое. Не говори мне таких неприятных вещей. Мне же так хорошо живется!

Но как тебе живется хорошо? В своем незнании, невежестве? В своем равнодушии и лжи?

Это огромная ошибка, которую мы совершаем. Огромный просчет в нашей жизни. Мы не думаем всерьез о реальности. А это необходимо не для того, чтобы мы ходили затравленными, а чтобы ощутили печаль по Богу, ведущую к покаянию, и нам можно было измениться. Тогда ты отнюдь не будешь ходить всё время грустным, твоя жизнь изменится, и ты будешь всегда пребывать в радости. Твой ум вкусит пищу, и ты проснешься.

Одно чадо сказал мне как-то:

– До того как я узнал вас, я был совершенно счастлив. А с тех пор как мы познакомились, чувствую себя совершенно несчастным!

Я спросил его:

– Да ты что, серьезно?! Но почему же, дитя мое? Скажи мне, чтобы я это исповедал, потому что если это так, то это же мой грех.

– Когда я тебя не знал, я был спокоен. Жил своей жизнью: ходил куда хотел, ел что хотел, говорил с кем хотел, у меня была своя ночная жизнь, какие-то связи и развлечения – то, что ты называешь грехами. И жил я себе вполне приятно. А когда познакомился с тобой и ты мне кое-что рассказал, у меня начались кошмары, я теперь сплю и думаю о том, что буду судим. Говорю себе: «Сейчас меня Бог накажет». Думаю о рае и аде. Ты меня совсем запутал и сбил с толку!

– Смотри, то, что кто-то приходит и вкладывает в твой ум благое беспокойство, – это хорошо, потому что у тебя оно должно быть. Это не плохо.

Анархисты писали на стенах: «Счастье – это незнание собственного несчастья». Ты думаешь, что ты счастлив, потому что не знаешь, насколько ты, по сути, несчастен. Живешь в мире каких-то обманчивых чувств. И вот пришел церковный человек – одна беседа, одна передача, одна книга, одна мысль – всё это Бог может послать тебе из ничего и буквально «привести в движение воду в купели», заставить тебя проснуться. И тогда ты говоришь себе: «Ой, ну как же я живу!» Пробуждаешься и видишь свою ошибку. Тогда перед тобой встает дилемма: сделаю ли я что-нибудь, чтобы исправить свою ошибку, или продолжу жить по-старому?

А поскольку ты далеко отошел от квартала, где живут Бог и Церковь, и пошел другим путем, на котором заблудился среди всяких переулков, то в какой-то момент ты говоришь себе: «Ну как же мне найти путь обратно?» И если ты прошел всего пару не тех улиц, то вспоминаешь какое-нибудь приметное место, ориентир и по нему возвращаешься назад, но когда ты потерялся всерьез, тогда уже не знаешь, как тебе вернуться. И говоришь себе: «Поскольку я дошел аж досюда, то меня ничто уже спасти не может. Ведь я менялся так не 5 месяцев и не 5 дней, я уже 5 лет живу так... Как же мне теперь возвращаться туда, с чего я начал? Эх, будь что будет, ничего делать не стану».

Кто сейчас задумывается о таких вещах? Но только наступит «месяц июнь» для каждого из нас в отдельности – месяц экзаменов, когда человек открытым лицом увидит всё как есть, войдет в прямое соприкосновение с реальностью Бога, а не с чем-нибудь еще, как говорят некоторые. Все те, которые сейчас кажутся такими умными. Те, кто формирует человеческое сознание, – и они тоже встанут на колени пред Богом и Истиной, и никто уже не будет озираться по сторонам в надежде получить помощь от кого-нибудь, но все мы будем смотреть прямо на Бога. Это истина.

Ты просто пришел ко мне, и я легонько пробудил тебя из глубокого сна. Ты живешь во лжи, и измениться тебе трудно. А изменить надо многое. Здесь, в моем квартале, когда произошло землетрясение в 1999 году, стоял один новенький замечательный жилой дом, частный. Но только у него были проблемы с фундаментом. И когда произошло землетрясение, дом этот пришел в негодность.

И вот однажды я увидел его собственника, он стоял на улице и сокрушался, и мне стало жаль его. Я почувствовал то, что чувствует он, и испытал сострадание. Как жаль человека, это же действительно трагично. Если бы я был на его месте, то тоже сокрушался бы и страдал из-за того, что то, что я строил столько лет, сейчас надо ломать. Такой прекрасный дом, двухэтажный, с красивыми балконами, цветами и собакой у входа... А сейчас всё это надо сносить!

Постепенно осознавая это, он сам ломался. Он просто утопал в скорби. Ему надо было или принять заключение специалистов и снести всё, или оставаться там жить, ожидая, когда всё это на тебя обрушится. Плакать, глядя, как ломают всё, что он строил на неправильных основаниях... Переживу ли я этот процесс? Это означает, что я должен перенести огромную боль и мучение, однако потом увижу сияющую впереди надежду. И через 2 года на этом месте у меня будет новый дом.

Надо понять, что это не я ставлю перед тобой такой вопрос – он так или иначе уже стоит. Но так у тебя будет новый дом!

Узлы небесного гобелена

Один святой говорит нечто замечательное об этой жизни.

Представь себе, что твоя жизнь – как гобелен. Ты когда-нибудь видел гобелен с изнанки? Моя мать ткала их, и сзади гобелен весь в узлах, нитках, изображение сзади некрасивое, непривлекательное и непонятное. Там всё запутано, но спереди очень красиво, там видишь и пейзажи, и фигуры, всё, что человек ткёт.

Итак, этот святой говорит, что Бог ткёт для нашей жизни превосходный узор, превосходный гобелен. Он держит его перед Собой, а мы сейчас на земле и видим только изнанку, что там всё в хаосе, видим одни лишь узлы, нитки.

И ты говоришь:

– А что это, то, что Ты со мной делаешь?

И Бог говорит тебе:

– Я для тебя это делаю!

– Для меня? Ой! А что это, Господи? Я вижу узлы, разные нитки торчат, цвета без всякой связи между собой! Что Ты мне готовишь, Господи? Почему делаешь жизнь такой? Зачем Ты сделал это? Для чего я родился и живу так? Зачем мне надо было родиться? (Хотя это другой вопрос – зачем мне надо было родиться. В любом случае я родился.) Для чего Ты сделал всё так в моей жизни и сейчас я испытываю боль?

А Бог улыбается, потому что видит гобелен с лицевой стороны, и говорит:

– Дитя Мое, что такого Я готовлю тебе?

А ты говоришь Богу:

– Ну что Ты улыбаешься?! Что? Играешь с моей болью? Я плачу, а Ты смеешься?

И Он говорит тебе:

– Я не смеюсь, Я улыбаюсь. Я не глумлюсь над тобой и не презираю тебя, но не могу разделить твоего духа разочарования и тоски, потому что знаю, что тебе готовлю. Я готовлю тебе нечто замечательное, но не могу тебе показать его сейчас там, где ты находишься, на земле. Оно с лицевой стороны жизни, оно на этом берегу.

Это другой берег, это невидимый переход, который ты совершишь в какой-то момент. Уйдешь из этой жизни, а потом – гоп! – и Бог повернется и скажет тебе:

– Посмотри! Оставь ты эти нитки и узлы и посмотри с хорошей стороны, которую Я тебе приготовил!

И ты увидишь нечто превосходное и скажешь:

– Ой, Господи! А что это такое?

– А это именно то, из-за чего ты негодовал. То, чем ты сейчас восхищаешься и что тебе так нравится, – это тот самый узел с задней стороны, который ты видел, когда был на земле. Это тот узел, когда душа твоя была стянута узлом от боли и тесноты, а точно там с передней стороны было самое превосходное, самое светлое, самое выделанное место, шедевр. Но только ты должен был испытать боль. Тогда Я видел тебя плачущим, но не мог ничего сделать, потому что операцию надо было закончить.

– Ой, это было тогда, когда... Я понял, когда был этот узел! Это тогда, когда я ходил в больницу на химиотерапию и возвращался раздавленный, чувствовал себя плохо, у меня кружилась голова и есть не хотелось, я не понимал, где нахожусь, и сходил с ума. Ой!

– Да, этот узел, – говорит Бог, – когда ты испытывал боль, когда делал химиотерапию, в эти самые дни, когда Я готовил для тебя нечто хорошее. И знай, что Я не играю с тобой. Это

вы играли со Мной, бросали жребий о Моей одежде, об одежде Моего Сына, о хитоне у Креста, кто возьмет его себе. А Я не играю с вами, Я отношусь к вам серьезно, как серьезно относился к Сыну Моему и оставил Его, чтобы Он был распят и испытывал боль, потому что это была Моя любовь. Так должен был спастись мир, так Я восхотел – из великой любви – прийти и умереть за вас! И сейчас знаю, что это единственный путь, который спасет и тебя, – боль и крест.

Когда испытываешь боль и несешь крест, этим ты спасешься, этим освятишься, этим заслужишь рай...

У меня с ним не может быть ничего общего

Господь говорит: *возлюби ближнего твоего, как самого себя* (Мф. 22, 39). То есть люби другого и понимай его так, как любишь и понимаешь самого себя. А любим ли мы себя? Любить себя не означает, что я должен битый час крутиться перед зеркалом, я не это имею в виду, а то, что я уважаю и ценю себя, забочусь о себе.

Мое «я» – это не что-то такое, что можно выкинуть в мусорное ведро: потому что Бог любит мое «я». А то, что Бог любит, должен полюбить и понять и я – то есть свою душу, свои нужды, желания, характер. Я не стану любить свой эгоизм, но постараюсь понять, что он в себе скрывает. А как человек буду тем не менее любить себя, любить свою душу. Я потому и забочусь о ней, потому и хожу в церковь, чтобы помочь себе. Это и значит, что я люблю и понимаю себя.

В любом случае понимание – это наше верное, правильное поведение. Наши души любят и понимают друг друга. Но только с малых лет мы росли на разных советах, которые старшие обращали к нашему уму, говоря:

– Вот этот человек хороший, а этот плохой. Там говори, а здесь не говори. Это коварные, плохие люди, а это добрые...

Когда мы по многу раз слышим это, наш ум начинает делить людей на категории, и мы уже не можем любить, как любили, когда были маленькими детьми. Тогда всех мы понимали, всех готовы были обнять. И сейчас мы действительно видим, что в малом ребенке нет ни лукавства, ни дистанцированности. Если двое братишек поссорятся, то уже через полчаса будут опять играть вместе: они ведь любят друг друга, они уже забыли обо всем, хотя только что один другого ударил и у того шла кровь носом. Но сейчас он об этом забыл. Их душа не таит никакой злобы.

Однако по мере того как ребенок растет, душа его наполняется страстями. Вот там и заключается наша проблема – в нашем уме. Мы перестаем понимать людей, находящихся рядом с нами, вгоняем их в какие-то шаблоны, навешиваем ярлыки, этикетки и одних ценим, а для других захлопываем свою душу и не любим их. «Люблю» в большинстве случаев означает «я нуждаюсь в тебе, хочу тебя контролировать». Так делаем мы. Я люблю кого-то потому, что он помогает мне.

Как-то я оказал немного любви одному человеку, и он мне сказал:

– Отче, иди сюда! Скажи мне, чего ты хочешь? Чтобы я оказал тебе какую-нибудь услугу? Отвез куда-нибудь?

– Но почему ты так говоришь?

– Обычно когда меня по жизни любят, чего-нибудь хотят!

Выходит так, что ты любишь, только когда ищешь какой-нибудь финансовой или иной выгоды от ближнего. Но любовь существует ради любви, и это – красота души. Что не означает, естественно, что ты чего-то не выигрываешь. Нет никого, кто любил бы, не получая ничего взамен. Сам Христос сказал нам: *Почитай отца твоего и мать твою, чтобы продлились дни твои, и чтобы хорошо тебе было* (Втор. 5, 16). Чтобы тебе было хорошо, люби своего отца и мать свою, то есть у тебя опять же есть определенный стимул.

Любовь сама по себе таит огромную красоту и наполняет ею нашу душу. Но только есть некоторые люди в нашей жизни, которых нам трудно полюбить и понять. Есть много таких, кто отличается от нас своим мышлением, характером, способом самовыражения, тем, что мы

называем менталитетом, имеющимся у каждого. И мы видим людей, не особо соответствующих нам, и тут же заявляем: «У меня с ним не может быть ничего общего, я не хочу видеть его!»

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.